

Глава IV. Обь уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 года.

Уходъ Никона изъ Москвы въ 1658 г. — церковный фактъ его дѣятельности. — С. М. Соловьевъ обь уходѣ Никона. — Критика Соловьевскаго изображенія ухода Патріарха Никона изъ Москвы и его объясненія этого событія. — Фактическая сторона ухода Патріарха Никона изложена Соловьевымъ не вѣрно. О свидѣтельскихъ показаніяхъ 1660 г. — О природѣ ухода Никона изъ Москвы въ 1658 г. — Прощальная рѣчь Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюля 1658 г. — Толкованіе рѣчи Никона Пальмеромъ. — Поученіе Златоуста, читанное Никономъ 10 іюля 1658 г., какъ ключъ къ пониманію отдѣльныхъ выраженій его рѣчи и его объясненій съ боярами, присланными въ соборъ. — Никонъ не отрекался отъ патріаршества. — Дополнительная характеристика свидѣтельскихъ показаній на Соборѣ 1660 г. — Уходъ Никона — протестъ противъ нарушенія царемъ клятвы и мѣра архипастырскаго воздѣйствія. — Отвѣтъ Никона Лигариду на обвиненіе его въ гордости по поводу его ухода. — Центральная идея Никона — борьба съ секуляризационнымъ духомъ времени во всѣхъ его проявленіяхъ. — Никонъ о грѣхѣ, какъ причинѣ всѣхъ несчастій; въ частности о клятвopеступленіи. Никонъ о наказаніяхъ уже ниспосланныхъ Богомъ. — Неизбѣжность Никоновскаго ухода. — Стремленіе опорочить Никона въ сочиненіи Лигарида и вліяніе его сочиненій на мнѣніе Соловьева и Каптерева о Никонѣ и въ частности обь уходѣ Никона въ 1658 г. — Разъясненіе мнимыхъ противорѣчій въ показаніяхъ Никона о своемъ уходѣ, находимыхъ профессоромъ Каптеревымъ. Сужденія Каптерева базируются на опороченныхъ показаніяхъ враговъ Никона. — Показанія личныхъ враговъ Никона: Александра Епископа Вятскаго, Ивана Неронова и Лигарида о характерѣ Никона, восприняты Каптеревымъ, какъ истинное объясненіе. — Личныя отношенія къ Никону со стороны Епископа Александра, Ивана Неронова. Невозможность принимать ихъ свидѣтельства о Никонѣ. — О невозможности принимать свидѣтельства Лигарида о Никонѣ, въ виду стремленія Лигарида построить свою карьеру на обвиненіи Никона. — О вопросѣ Каптерева, оставилъ ли Никонъ патріаршество, или это было притворство. О мнимыхъ противорѣчій въ заявленіяхъ Никона. — Каптеревъ игнорируетъ важное каноническое правонарушеніе: царь поручаетъ Митрополиту Питириму управлять патріархіей, не обращаясь къ Никону и не поминая его, какъ Патріарха. — Причины измѣненій въ тонѣ Никона — каноническое правонарушеніе — поставленіе Митрополита Питирима на самостоятельное управленіе Церковью, независимо отъ него. — Произвольность предположеній Каптерева обь измѣненіи настроенія Никона относительно природы оставленія престола. Объясненіе перемѣнъ Никона — въ окружающіхъ его событіяхъ. — Какъ Никонъ смотрѣлъ на возможность своего возвращенія на патріаршій престолъ въ Москву. — Взгляды Каптерева на „отреченіе Никона. — Средства, которыми отстаивалъ Никонъ свое каноническое міросозерцаніе.

Уходъ Никона изъ Москвы въ 1658 году — центральный фактъ его дѣятельности.

Отвѣтственной передъ Богомъ задачей Патріарха является ограждать царя отъ уклоненій съ праведнаго пути, и Никонъ ничего не пощадилъ, чтобы по мѣрѣ силъ удержать царя на этомъ пути. Онъ беретъ съ него клятву передъ вступленіемъ на патріаршество, что царь предоставитъ ему управлять Церковью самостоятельно и канонически и не приведетъ въ исполненіе государственное законодательство, противорѣчащее церковнымъ канонамъ. Когда царь клятву пересталъ исполнять и Никоновскія увѣщанія перестали дѣйствовать на него, Никонъ покинулъ патріаршій престолъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь. **Его уходъ является съ нашей точки зрѣнія актомъ исповѣдничества и центральнымъ фактомъ его жизни и дѣятельности.** Если бы Никонъ не ушелъ, а остался управлять кафедрой въ новыхъ условіяхъ, когда царь оказался подъ вліяніемъ боярской партіи и предоставилъ ей вмѣшательство въ церковное управленіе, то Никонъ былъ бы не одной изъ центральныхъ

личностей въ исторіи Россіи, отстаивавшихъ осуществленіе своей идеи, а однимъ изъ многихъ придворныхъ слугъ, потакавшихъ свѣтской власти, имена которыхъ никому не интересны.

Соловьевъ объ уходѣ Никона.

С. М. Соловьевъ (XI, 249) такъ описываетъ расхождение Никона съ царемъ и его уходъ. „Никона обвиняютъ враги новшествъ въ длинной жалобѣ царю (которую приводитъ Соловьевъ) въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное положительное обвиненіе Никона состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ преимущественно бѣлымъ. Патріархъ окружилъ себя не оступнымъ величіемъ, возлюбилъ „стоять высоко, ѣздить широко“. „Я подъ клятвою вселенскихъ Патріарховъ быть не хочу“, говорилъ однажды Нероновъ Никону: да какая тебѣ честь, Владыка Святый, что всякому ты страшенъ и другъ другу грозя говорятъ: знаете ли кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ или медвѣдь или волкъ? Дивлюсь: государевы - царевы власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники пуше царскихъ всѣмъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить; затвержено у нихъ: знаете ли Патріарха? Не знаю, какой образъ или званіе ты принялъ?“ Но и подлѣ царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слыхать, что посланій патріаршихъ боятся больше, чѣмъ царскихъ, что великій Государь Патріархъ не довольствуется и равенствомъ власти съ великимъ государемъ Царемъ, но стремится превысить его; вступается во всякія царственныя дѣла и въ гражданскіе суды, памятки указныя въ приказы отъ себя посылаетъ, дѣла всякія безъ повелѣнія государева изъ приказовъ беретъ, многихъ людей обижаетъ, вотчины отнимаетъ, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимаетъ. Когда Алексѣй Михайловичъ окончательно повѣрилъ этимъ внушеніямъ, неизвѣстно; очень можетъ быть, что и самъ онъ не умѣлъ въ точности опредѣлить этой печальной для него минуты, когда послѣдняя, можетъ быть ничтожная капля упала въ сосудъ и переполнила его. Любовь и нелюбіе подкрадываются незамѣтно и овладѣваютъ душой; человѣкъ увѣренъ, что онъ все еще любитъ или что все еще хладнокровенъ, пока, наконецъ, какое нибудь ничтожное обстоятельство не вскрыетъ состоянія души, давно уже приготовленнаго. По природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ Патріарху,

царь не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой расчетъ съ Никономъ: онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого и предпочель бѣгство. Онъ сталъ удаляться отъ Патріарха. Никонъ замѣтилъ это и также по природѣ своей и по положенію, къ которому **привыкъ, не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ (?)** и впередъ сдерживался въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражили Никона, привыкшаго къ противоположному; онъ считалъ себя обиженнымъ (?) и не хотѣлъ снизить до того, чтобы искать объясненія и кроткими средствами уничтожить нелюбіе въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалился (?) и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя. Какъ скоро вельможи, враждебные Патріарху, увѣрились, что ихъ сторона взяла верхъ, то не замедлили дать почувствовать врагу свое торжество" (Въ примѣчаніи Соловьевъ пишетъ: „слѣдующее изложеніе Никоновскихъ дѣлъ составлено по подлиннымъ актамъ, хранящимся въ государственномъ архивѣ между столбцами Приказа Тайныхъ Дѣлъ; часть актовъ хранится въ Синодальной Библіотекѣ, нѣкоторые напечатаны въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ синодальной же библіотекѣ находится изложеніе Никонова дѣла, составленное Паисіемъ Лигаридомъ, любопытное по нѣкоторымъ живымъ подробностямъ).

„Лѣтомъ 1658 г. былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю приѣзда въ Москву Грузинскаго царевича Теймураза; окольникій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очищалъ путь царевичу; онъ это дѣлалъ по извѣстному обычаю, надѣлая палочными ударами тѣхъ, кто слишкомъ высывался изъ толпы; случилось, что попалъ ему подъ палку дворянинъ патріаршій: „Не дерзай Богданъ Матвѣичъ, закричалъ дворянинъ: „вѣдь, я не просто сюда пришелъ, а съ дѣломъ". „Ты кто такой?" спросилъ окольникій. „Патріаршій человекъ, съ дѣломъ посланный", отвѣчалъ дворянинъ. „Незванный", закричалъ Хитрово и съ этими словами ударилъ его въ другой разъ по лбу. Дворянинъ побѣжалъ къ Патріарху, и тотъ своей рукой написалъ къ царю, прося разыскать дѣло и наказать Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ также собственноручной запиской, что велить сыскать дѣло, и самъ повидается съ Патріархомъ. Но свиданія не было. Наступило 8 іюля, праздникъ Казанской Богородицы, крестный ходъ; царь не былъ въ Казанскомъ Соборѣ ни на одной службѣ; черезъ день, 10 числа, былъ также большой праздникъ въ Москвѣ, установленный съ недавнихъ

время, праздникъ Ризы Господней, принесенной изъ Персіи при царѣ Михаилѣ; передъ обѣдней явились къ Патріарху князь Юрій Ромодановскій съ приказаніемъ отъ царя, чтобы не дожидались его къ обѣднѣ въ Успенскомъ соборѣ. Но къ этому **приказанію Ромодановскій прибавилъ** еще другое: „Царское величество на тебя гнѣвнъ, сказалъ онъ, ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь царь". — Называюсь я великимъ государемъ не самъ собой, отвѣчалъ Никонъ, такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество; свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукой. — „Царское величество, продолжалъ Ромодановскій, чтить тебя, какъ отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь царское величество велѣлъ мнѣ сказать, чтобы ты впредь не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ не будутъ". Разговоръ этимъ кончился. Никонъ отправился въ соборъ служить обѣдню и послѣ причастія велѣлъ ключарю поставить по сторожу, чтобы не выпускать людей изъ церкви: поученіе будетъ. Пропѣли: „Буди Имя Господне", народъ столпился около амвона слушать поученіе и услышалъ странныя слова: „Лѣнивъ я былъ васъ учить", говорилъ Патріархъ: „Не стало меня на это, отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ болѣе не Патріархъ; **если же помыслю быть Патріархомъ, то буду анаѳема.** Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Калязинъ монастырь, въ то время на Москвѣ многіе люди къ лобному мѣсту собирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и сжигалъ, и за то хотѣли меня убить. Но я отбиралъ иконы латинскія писанныя по образцу, какой вывезъ нѣмецъ изъ своей земли. Вотъ, какимъ образомъ надобно вѣрить и поклоняться (при этомъ указалъ на образъ Спаса въ иконостасѣ); а я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ, новыя де книги завелъ. И все это дѣлается ради моихъ грѣховъ, а вы, въ окаменѣннйи сердце своихъ, хотѣли меня каменьемъ побить: но Христось насъ одинъ разъ кровью искупилъ, а меня вамъ каменьемъ побить — и мнѣ никого кровью своей не избавить, и чѣмъ вамъ каменьемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше съ сего времени я не буду вамъ Патріархъ". Кончилъ и сталъ разоблачатся; слышались всхлипыванія, голоса: „кому ты сиротъ насъ оставляешь?" — „Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволить", отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ; но тутъ толпа двинулась и отняла мѣшокъ. Никонъ пошелъ

въ ризницу и написалъ письмо къ царю: „Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и паки: егда изженуть васъ отъ сего града, бѣжите въ инъ градъ и еже аще не примуть васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ". Въ ризницѣ Никонъ надѣлъ мантию съ источниками и клобукъ черный, посохъ Петра Митрополита поставилъ на святительское мѣсто, взялъ простую палку и пошелъ было изъ собора, но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ его, выпустилъ только Крутицкаго Митрополита Питирима, который пошелъ во дворецъ сказать царю, что дѣлается въ соборѣ. Алексѣй Михайловичъ сильно встревожился: „Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ", сказалъ и отправилъ въ соборъ самага сановитаго боярина, князя Ал. Ник. Трубецкого. Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ 1654 г. тотъ же самый Трубецкой передъ отправленіемъ въ походъ съ благоговѣніемъ принималъ благословеніе Никона, бывшаго во всей силѣ и славѣ. И теперь Трубецкой началъ тѣмъ, что подошелъ подъ благословеніе къ Патріарху, но получилъ въ отвѣтъ: „Прошло мое благословеніе, недостоинъ я быть въ Патріархахъ". „Какое твое недостоинство? Что ты сдѣлалъ"? — спрашивалъ **простодушно** Трубецкой. „Если тебѣ надобно, то **я стану тебѣ каяться**", отвѣчалъ Никонъ. Трубецкой еще болѣе смутился: „это не мое дѣло, не кайся, скажи только, зачѣмъ престоль оставляешь? Живи, **не оставляй престола**. Великій государь нашъ тебя жалуетъ и радъ тебѣ". — „Поднеси это государю, сказалъ Никонъ, подавая Трубецкому письмо: попроси Царское величество, чтобы пожаловалъ мнѣ келью". Трубецкой отправился во дворецъ; Никонъ въ сильномъ волненіи то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ къ дверямъ, но народъ съ плачемъ не пускалъ его; наконецъ и самъ Никонъ заплакалъ. Всѣ ждали, что царь явится, послѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними; но вмѣсто царя опять вошелъ Трубецкой. И отдавая Никону письмо его назадъ, **говорилъ именемъ Царскимъ**, чтобы онъ Патріаршества не оставлялъ, а келій на патріаршемъ дворѣ много. — „Ужъ я слова своего не перемѣню, отвѣчалъ Никонъ, да и давно у меня обѣщаніе, чтобы Патріархомъ не быть". Поклонившись боярину, Патріархъ вышелъ изъ церкви, но, когда хотѣлъ сѣсть въ карету, то народъ бросился на нее и выпрягъ лошадей; Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Кремль къ Спасскимъ воротамъ, но народъ забѣжалъ впередъ и заперъ ворота; Никонъ сѣлъ въ одномъ изъ углубленій (въ печурѣ); тутъ явились посланные изъ дворца и заставили отворить ворота; Никонъ всталъ и

опять пошелъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье построенаго имъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима), благословилъ плачущій народъ, отпустилъ его и черезъ нѣсколько времени самъ отправился въ Воскресенскій монастырь (Соловьевъ XI, 253) (Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя несходными свидѣтельствами, съ письмомъ Никона къ Патріархамъ, гдѣ онъ описываетъ свой уходъ, и съ **показаніями лицъ, находившихся въ соборѣ** 10 іюля; но такъ какъ Шушера, пристрастный къ Никону, гораздо болѣе сходится съ послѣдними, чѣмъ съ Никономъ, то мы и слѣдуемъ **показаніямъ**. Г. Субботинъ, который вѣритъ болѣе письму, говоритъ: „Кажется, впрочемъ онъ еще думалъ, что его дѣло не проиграно, что царь, одумавшись, помирится съ нимъ, не допуститъ оставить его Патріаршество, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, „Царское величество прислалъ ему сказать, чтобы, не видясь съ нимъ, не отходилъ“. Въ этихъ ожиданіяхъ Никонъ около трехъ дней прожилъ на подворьѣ“. Но время проходило, а отъ царя не было никакихъ вѣстей. Никонъ увидалъ, что ждать ему больше нечего и рѣшилъ уѣхать изъ Москвы. Около 3 дней! 10 іюля была сцена въ Успенскомъ соборѣ, а 12-го Трубецкой и Попухинъ уже вели переговоры съ Никономъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. Вотъ, куда ведутъ попытки вѣрить Никону) (Ів. XI, 399). На 3-й день, 12 іюля туда поѣхали къ нему кн. Ал. Ник. Трубецкой и дьякъ Ларіонъ Лопухинъ. „Для чего ты, Св. Патріархъ“, спрашивалъ Трубецкой, поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ, не доложивъ великому государю и не подавъ ему благословенія, и, если бы великому государю было извѣстно, то онъ велѣлъ бы тебя проводить съ честью. Ты бы, продолжалъ бояринъ, подалъ великому государю, государынѣ Царицѣ и дѣтямъ по благословенію; благословилъ бы и того, кому изволить Богъ быть на твоёмъ мѣстѣ Патріархомъ, а пока Патріарху нѣту, благословилъ бы вѣдать Церковь Крутицкому Митрополиту“. — „Чтобы государь, государыня царица и дѣти ихъ пожаловали меня, простили, отвѣчалъ Никонъ, а я имъ свое благословеніе и прощеніе посылаю, и **кто будетъ Патріархомъ, того благословляю**, бью челомъ, чтобы Церковь не вдовствовала и безпастырна не была, а Церковью вѣдать благословляю Крутицкому Митрополиту; а что поѣхалъ я вскорѣ, не извѣстивъ великаго государя, и въ томъ передъ нимъ виновать; испугался я, что постигла меня болѣзнь и чтобы мнѣ въ Патріархахъ не умереть; а впередъ я въ Патріархахъ быть **не хочу, а если захочу, то проклять буду, анаѣма**“. Соловьевъ говоритъ далѣе, что Никонъ,

повидимому, совершенно успокоился, принявъ твердое рѣшеніе не возвращаться на патріаршество и, задавшись исключительно заботами о Воскресенскомъ монастырѣ, смиренно простилъ умиравшаго боярина Морозова. Но скоро де тонъ писемъ измѣнился. Соловьевъ даетъ такое объясненіе. „Раздраженный окончательно рѣчами Ромодановскаго, Никонъ рѣшилъ поразить царя и народъ своимъ удаленіемъ; впечатлѣніе было произведено сильное, но все не такое, какого могъ ожидать Никонъ; царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, **не умолялъ его остаться, не просилъ торжественно прощенія**; сцена, происходившая при избраніи Никона на Патріаршество, не повторилась. Но за то и рѣчи Ромодановскаго не повторились; посланные царя относились къ Никону съ уваженіемъ, царь присылалъ съ теплыми словами, напоминавшими прежнія отношенія. Эти присылки и медленность царя относительно избранія новаго Патріарха испугали враговъ Никона: они видѣли, какъ царь волнуется тяжелыми сомнѣніями — хорошо ли поступили съ Никонъ, дѣйствительно ли онъ виновенъ? И вотъ враги Патріарха стараются убѣдить Алексѣя Михайловича, что бывший Патріархъ дѣйствительно виновенъ. Самъ царь далъ знать Никону объ опасности, пославъ сказать ему, что только онъ да еще Юрій (Долгорукій?) добры до него. Скоро послѣ этого Никонъ узнаетъ, что враги подъ нимъ подыскиваются, хотятъ показать его неправость, его грѣхи, его недостойнство, показать, что Патріархъ Никонъ старается внушить, будто удалился вслѣдствіе гоненія несправедливаго, не стерпѣлъ неправды царской и грѣховъ народныхъ, но что ему слѣдовало оставить Патріаршество по своему недостойнству. Никонъ увидалъ передъ собой ту бездну, къ которой привелъ его поступокъ 10 іюля, возврата не было, и вотъ поднимается искушеніе: чловѣкъ, привыкшій стоять на первомъ планѣ, привыкшій, чтобы всѣ и всѣ къ нему относились, всѣ передъ нимъ преклонялись, оставленъ, забытъ. Мало того, отданъ на жертву врагамъ, которые позорятъ его. Чловѣкъ, привыкшій къ обширной и видной дѣятельности, принужденъ ограничиться мелкими заботами о постройкѣ монастыря. Явились и другія искушенія; привыкши къ роскоши, изобиліи во всемъ, Никонъ сильно чувствовалъ отсутствіе этой роскоши, этого изытія въ Воскресенскомъ монастырѣ. Все это начало волновать, раздражать натуру, столь способную волноваться и раздраженную; нравственнаго величія, христіанскаго духа Никону не доставало для преодоленія искушенія, и вотъ онъ ищетъ средствъ, какъ бы удержаться въ выгодномъ

положеніи и относительно чести, и относительно средствъ къ жизни, выставяетъ такія права свои, которыя могли казаться незаконными и опасными даже не врагамъ его. Раздраженіе, борьба и соблазнъ усиливаются. Патріарху дали знать, что пересматривали его бумаги, что всякихъ чиновъ людямъ запрещено ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь (XI, 255).

„Никонъ писалъ царю по поводу обыска: слышимъ, что все это дѣлается для того, чтобы отобрать твои грамоты, въ которыхъ ты писалъ насъ великимъ государемъ, не по нашей волѣ, а по своему изволенію; не знаю, откуда взялось это названіе? Но думаю, что отъ тебя: ты писалъ такъ во всѣхъ своихъ грамотахъ, и тебѣ такъ писано въ отпискахъ изъ всѣхъ полковъ, во всякихъ дѣлахъ, и невозможно это исправить. Да истребитъ злое мое и горделивое проклятое названіе, хотя я и не по своей волѣ получилъ его; надѣюсь на Господа, что нигдѣ не найдется моего хотѣнія и велѣнія на это, развѣ ложно сочинять; ради этихъ ложныхъ сочиненій я много пострадалъ и страдаю Господа ради отъ лжебратіи: что сказано мною со смиреніемъ, то передано гордо; что сказано благохвально, то передано хульно, и такими ложными словами возвеличенъ твой гнѣвъ на меня; истязуютъ отъ меня то, чего не хотѣлъ, не искалъ — называться великимъ государемъ, передъ всѣми людьми укорень и поруганъ понапрасну; думаю и ты помнишь, что и въ святой литургіи слыхаль по нашему указу кликали великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ... Молю, перестань Господа ради понапрасну гнѣваться; я больше всѣхъ людей оболганъ тобой, поношень и укорень неправдою (XI, 257). Въ 1659 году пѣвчій дьякъ Иванъ Тверитиновъ и Савва Семеновъ допрашивались за посѣщеніе Патріарха вопреки указу... (XI, 297). Когда пріѣхаль въ Воскресенскій монастырь дьякъ Дементій Башмаковъ, Никонъ ему сказалъ, что его забываютъ, не считаютъ Патріархомъ. „Между властями много моихъ ставленниковъ, они обязаны меня почитать, они давали мнѣ письмо за своими руками, что будутъ меня почитать и слушаться. Я оставилъ святительскій престоль своей волей. Московскимъ не зовусь и никогда зваться не буду, но Патріаршества не оставлялъ и благодать Святаго Духа отъ меня не отнята" (XI, 258). Эти притязанія Никона смутили царя, должны были смутить многихъ, даже и не враговъ Никона: теперь нельзя было приступить къ избранію новаго Патріарха, не рѣшивши вопроса, въ какомъ отношеніи будетъ находиться новый Патріархъ къ старому? Притязанія Никона явно показывали, что онъ

хочетъ сохранить первенствующее положеніе. Крутицкій Митрополитъ, который вслѣдствіе его удаленія принялъ управленіе дѣлами Патріаршества, счелъ себя въ правѣ замѣнить Патріарха и въ извѣстной церемоніи въ Вербное Воскресенье, когда Патріархъ ѣздилъ на осляти, представляя Христа, вступающаго въ Іерусалимъ. Никонъ, узнавши объ этомъ, написалъ такое письмо государю: „Нѣкто дерзнулъ сѣдалище Великаго Архіерея всея Руси облюбодѣйствовать въ недѣлю Ваій, дѣяніе дѣйствовать. Я пишу это не самъ собой, и не желая возвращенія къ любоначалию и къ власти, какъ песь къ своей блевотинѣ. Если хотите избрать Патріарха законно, праведно и Божественно, да призовется наше смиреніе съ благоволеніемъ честно. Да начнется избраніе соборно, да сотворится благочестиво, какъ дѣло божественное; и кого божественная благодать изберетъ на великое архіерейство, того мы благословимъ и передадимъ божественную благодать, какъ сами ее приняли; какъ отъ свѣта возсіеваетъ свѣтъ, такъ и отъ содержащаго божественную благодать пріидетъ онъ на новоизбраннаго черезъ рукоположеніе, и въ первомъ не умалится, какъ свѣча, зажигаая многія другія свѣчи, не умаляется въ своемъ свѣтѣ" (XI, 259). Когда у Никона были 1 апрѣля 1659 г. отъ царя думный дворянинъ Прокофій Елеазаровъ и думный дьякъ Алмазь Ивановъ и говорили, что онъ отказался отъ Патріаршества и потому ему не слѣдуетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, это Никонъ опять повторилъ, что онъ святительскій престоль оставилъ своей волей, никѣмъ не гонимъ, имени Патріарха не отрицалъ, только не хочетъ называться Московскимъ, о возвращеніи на патріаршій престоль и въ мысляхъ у него нѣтъ. Когда же Елеазаровъ продолжалъ, чтобы онъ больше о церковныхъ дѣлахъ великому государю не писалъ, ибо оставилъ Патріаршество, то Никонъ сказалъ: „Въ прежнихъ давнихъ лѣтахъ благочестивые цари греческіе объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынниковъ возвѣщали; я своей волей оставилъ паству, а попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впередъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не стану" (XI, 260).

Критика Соловьевскаго изображенія ухода Патріарха Никона изъ Москвы и его объясненія этого событія.

Въ этомъ разсказѣ Соловьева, несмотря на то, что его мнѣніе о Никоновскомъ уходѣ стало господствующимъ, много невѣрнаго, и источники его ошибокъ, послѣ изслѣдованія ухода Никона Гюббенетомъ, Николаевскимъ и Пальмеромъ, совершенно обнаружены. Если фактическая сторона событія изложена не вѣрно, то для объясненій

фактовъ сдѣлано худшее, приведено совершенно априорно составленное мнѣніе, основанное на показаніяхъ Никоновскихъ враговъ. Самъ Соловьевъ указаль на свои источники: это были официальные акты Собора 1660 г. и исторія осужденія Патріарха Никона" Паисія Лигарида. Соловьевъ повѣрилъ относительно обстоятельствъ ухода Никона свидѣтельскимъ показаніямъ въ томъ видѣ, какъ они даны были на Соборѣ въ 1660 году, а относительно характеристики Никона слѣдовалъ Лигариду. Достаточно вспомнить о томъ освѣщеніи, въ которомъ становится передъ нами личность Лигарида послѣ изслѣдованій Пирлинга, Каптерева, Пальмера, чтобы понять всю тенденціозность сочиненія Лигарида, рассчитаннаго на грубую лестъ Московскому правительству, Лигарида, добившагося осужденія Никона ради возвеличенія собственнаго своего положенія при дворѣ. Посвящая обстоятельствамъ ухода Никона въ своей исторіи всего около 2 страницъ (III, 41-43), Лигаридъ не приводитъ даже рѣчи Никона 10 іюля 1658 г. послѣ обѣдни передъ уходомъ, а просто пишетъ: „And so after that his stale and rotten and tong harangue he attempted of his own will to divest himself of his patriarchal power **imprecating on himself the greatest curses**, if he should ever again return to his chair, or take the title of patriarch, or allow himself to be called patriarch by others." ¹ „И, говоря такъ, Никонъ поступаль по своимъ словамъ. Ибо, снимая свои епископскія одежды одну за другой, онъ беря каждую говорилъ: „я болѣе не Патріархъ", такъ что онъ самъ себя низложилъ". Затѣмъ, говоря объ удивленіи царя при извѣстіи о происшедшемъ въ соборѣ, Лигаридъ говоритъ, что царь послаль перваго боярина Ал. Ник. Трубецкого во главѣ другихъ пословъ, чтобы попытаться установить доброе согласіе съ Никономъ, съ просьбой вернуться на Патріаршество и не налагать позора на Церковь и на государство, не дѣлать изъ нихъ объекта насмѣшки со стороны всей поднебесной изъ-за единственнаго мотива своей страсти. Но Никонъ вознесся еще болѣе, возгордись, потеряль себя и, ни во что ставя посылку этого боярина и не обнаруживая никакого уваженія или добрыхъ чувствъ, отвергъ дружбу, ожидая, повидимому, что могущественный царь послѣ присылки другихъ придетъ самъ умолять его. Царь бы и сдѣлаль это, пишетъ Лигаридъ, если бы могъ думать, что этимъ достигнетъ цѣли. Но зная неумолимое и непоколебимое упор-

---

¹ „Такъ послѣ этой черствой, гадкой и длинной рѣчи онъ хотѣль своевольно снять съ себя свой Патріаршій санъ, призывая на себя самого величайшія проклятія, если онъ когда либо пожелаетъ снова вернуться на свою каѳедру, или если приметъ титуль Патріарха, или если другимъ позволить называть себя Патріархомъ".

ство Никона, что онъ надмился до высшей точки гордости, онъ допустилъ ему на время уйти въ надеждѣ исцѣлится въ послѣдствіи преждевременную скорбь Никона. Послѣ этого посылались не мало посольствъ, посредниковъ, просьбъ, писемъ, но все ни къ чему; единственный результатъ былъ тотъ, что онъ сталъ возноситься передъ ними и, обращаясь съ ними все болѣе и болѣе гордо сражаясь и неистовствуя противъ нихъ, онъ вознесъ высоко свою выю, подобно горячей и неукротимой лошади, заявляя, что онъ не хотѣлъ Патріаршества, въ то время какъ въ дѣйствительности онъ алкалъ его подобно оленю". Вотъ, источникъ, откуда явилось мнѣніе о неимовѣрной гордости Никона, мнѣніе, которое призвано было у Соловьева, а вслѣдъ за нимъ у Каптерева, освѣщать и самый уходъ Никона и всѣ позднѣйшіе переговоры его съ царемъ, которые мы цитировали, при чемъ основой всей послѣдующей дѣятельности Никона отъ 1658 г. до его осужденія являлось будто бы намѣреніе его захватить опять патріаршій престолъ. Для Соловьева явилось загадкой первоначальное заявленіе Никона посламъ царя о готовности допустить другого Патріарха и его благословеніе Митрополиту Питириму на мѣстоблюстительство, и затѣмъ послѣдующія заявленія въ апрѣлѣ и маѣ 1659 г. о томъ, что благодать Святаго Духа съ нимъ, съ Никонъ, что онъ отъ Патріаршества не отрекался и только не называетъ себя больше Патріархомъ Московскимъ. Соловьевъ полагаетъ, что Никонъ увидѣлъ, что ему возврата въ Патріархи нѣтъ, и въ немъ поднялись де искушенія власти и роскоши, къ которымъ онъ де привыкъ и потому онъ сталъ придумывать свои права и отрицать фактъ своего отреченія отъ Патріаршества. Причемъ самъ Соловьевъ довѣряетъ показанію Митрополита Питирима и исходитъ изъ того факта, что Никонъ сказалъ на себя проклятіе, если помыслить быть Патріархомъ. Мы же не видимъ никакого противорѣчія между словами Никона въ іюлѣ 1658 г. князю Трубецкому о готовности допустить другого Патріарха и о благословеніи на мѣстоблюстительство Митрополиту Питириму съ одной стороны, и его заявленіемъ въ апрѣлѣ 1659 г. Прокофію Елезарову и дяку Алмазу Иванову о порицаніи имъ Митрополита Питирима за дѣйство въ недѣлю Ваій и напоминаніемъ о томъ, что онъ Патріархъ, съ другой стороны. Для объясненія этого не нужно привлекать Лигаридовскія бездоказательныя утвержденія о гордости Никона и о якобы стремленіи Никона придумать способы попасть снова на патріаршій престолъ. Дѣло въ томъ, что въ іюлѣ 1658 года Никонъ далъ благословеніе Питириму на

мѣстооблюстительство, но это мѣстооблюстительство при жизни самого Патріарха предполагало, что Питиримъ будетъ поминать Никона, какъ Патріарха, и будетъ признавать его авторитетъ по прежнему, ибо Никонъ, какъ увидимъ, лишь оставилъ на время осуществленіе своихъ патріаршихъ правъ, удаляясь изъ Москвы ради непокорнаго народа, а не отрекался отъ престола. Онъ могъ заявлять и о принципиальной готовности допустить другого Патріарха, не входя еще въ переговоры объ условіяхъ посвященія другого Патріарха. Соловьевъ и Каптеревъ упускаютъ изъ вида одинъ чрезвычайно важный моментъ: что обстоятельства круто перемѣнились, и весь каноническій статусъ сдѣлался другимъ, когда Митрополитъ Питиримъ по приказу царя пересталъ поминать Патріарха Никона и, сдѣлавшись слугой царя, пересталъ вообще считаться съ Никономъ, какъ будто его, какъ Патріарха, вовсе и не существовало. Это было со стороны Питирима захватомъ патріаршаго престола черезъ свѣтскую власть и несоблюденіемъ канонической присяги, даваемой Архіереями въ послушаніи Патріарху при своемъ посвященіи. А когда Митрополитъ Питиримъ совершилъ дѣйствіе шествія на осляти — то это было совершеніемъ священнодѣйствія, которое въ глазахъ Никона могъ совершать только Патріархъ; а мѣстооблюститель Патріарха не имѣетъ права занимать положеніе самого Патріарха при священнодѣйствіи, что признавалъ и самъ Питиримъ, говорившій въ свое оправданіе на судѣ въ декабрѣ 1666 г. о томъ, что онъ никогда не становился на патріаршее мѣсто. **Итакъ, произошло каноническое прелюбодѣянiе — захватъ черезъ свѣтскую власть патріаршаго престола.** Никонъ и напомнилъ о своихъ правахъ, какъ Патріарха. Когда зашла рѣчь о замѣщеніи престола другимъ Патріархомъ, и Соборъ 1660 г. послалъ къ Никону просить его дать на это благословеніе, Никонъ въ этомъ отказалъ и сказалъ, что такое дѣйствіе, какъ избраніе и постановленіе другого Патріарха, безъ его участія недопустимо. Приведенное Соловьевымъ письмо объ этомъ Никона къ царю, какъ доказательство Гюббенетъ, Соловьевымъ ошибочно отнесено къ моменту посѣщенія его Башмаковымъ въ маѣ 1659 г., а на самомъ дѣлѣ относится къ марту 1660 г., когда Соборъ просилъ у Никона благословенія на избраніе новаго Патріарха; Никонъ былъ освѣдомленъ своими друзьями, что его подвергли заочному, слѣдовательно неканоническому суду, ибо его туда и не приглашали, и, если бы онъ далъ такое разрѣшеніе, онъ

быль бы повинень передь Церковью въ небреженіи къ обереганію правъ своего сана.

Фактическая сторона ухода Патріарха Никона изложена Соловьевымъ невѣрно. О свидѣтельскихъ показаніяхъ 1660 г.

Далѣе Соловьевъ исходитъ изъ предположенія объ отреченіи Никона отъ престола и о его собственномъ заклѣтіи на возвращеніе его на престоль, основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ 1660 г. объ обстоятельствахъ ухода Никона. Проф. Николаевскій однако доказаль, что эти свидѣтельскія показанія весьма подозрительны и требуютъ провѣрки; не все такъ происходило, какъ сообщали свидѣтели черезъ полтора года послѣ ухода Никона, на Соборѣ, спеціально стремившемся доказать добровольный уходъ Никона, не вызванный будто бы ничѣмъ со стороны правительства и царя. Оказывается, что вышеописанная сцена ухода у Соловьева слишкомъ неполна, при чемъ въ ней умолчано все происшедшее, объяснявшее дѣйствительныя причины ухода. Въ ней умолчано самое главное: поученіе Никона послѣ прочтенной бесѣды Златоуста и его опредѣленное всенародное заявленіе о причинахъ его ухода; Никону приписывается по ложному показанію Питирима заклѣтіе не возвращаться, котораго не было въ ней, со словъ Трубецкого сообщается о разговорѣ Никона съ нимъ въ Успенскомъ соборѣ, когда Трубецкой послѣ обѣдни былъ посланъ царемъ къ Никону, при чемъ опять умолчано самое главное — заявленіе Никона о причинѣ его ухода. Свидѣтельскія показанія всѣхъ лицъ потребовали провѣрки, какъ въ отношеніи того, когда Никонъ говорилъ поученіе, и что онъ говорилъ по поводу своего ухода; изслѣдованія проф. Николаевского подтвердили истину словъ Никона на судѣ, что онъ не отрекался, не клялся больше Патріархомъ не быть, и что Митрополитъ Питиримъ просто нагаль, приписывая Никону слова о клятвѣ не быть Патріархомъ, которыхъ онъ не говорилъ въ дѣйствительности.

Гюббенетъ дополниль цитируемую Соловьевымъ часть поученія такими многозначительными словами, которыя и являются центральной частью поученія: „Свидѣтельствую передь Богомъ, передь Святой Богородицей и всѣми Святыми, если бы Великій Государь Царь не обѣщался непременно хранить Святое Евангеліе и заповѣди Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, то я и не помыслилъ бы принять таковой санъ; но вѣликій государь далъ обѣщаніе здѣсь въ храмѣ передь Господомъ Богомъ, передь Святымъ чудо-

творнымъ образомъ Пресвятой Богородицы и передъ всѣми Святыми, передъ всѣмъ Священнымъ Соборомъ, передъ своимъ царскимъ синклитомъ и всѣми людьми, и поскольку Царское Величество пребывалъ въ своемъ общаніи, повинуюсь Св. Церкви, мы терпѣли, теперь же, когда великій государь **измѣнилъ своему общанію и на меня гнѣвъ положилъ неправедно, яко же вѣсть Господь, оставляю я мѣсто сіе и градъ сей и отхожу отсюда, дая мѣсто гнѣву**". Здѣсь совершенно ясно указана причина ухода Никона — **измѣна царя своей клятвѣ** — не мѣшать каноническому управленію Церковью. **Гнѣвъ царя дѣлалъ Никона безсильнымъ въ борьбѣ съ боярствомъ, захватившимъ церковное управленіе, а проявленіе царскаго гнѣва въ видѣ неприхода въ Церковь на церемоніи, на которыхъ онъ участвовалъ по своему царскому чину, показывало Никону, что онъ лишается этой поддержки, особенно, когда этотъ неприходъ былъ объясненъ посланнымъ отъ царя Ромодановскимъ, сообщившимъ о гнѣвѣ царя будто за то, что Никонъ титулуется Великимъ Государемъ.** Никонъ заявилъ, что этотъ титулъ данъ царемъ, какъ показываютъ царскія грамоты. Одно было ясно, что Никонъ могъ не уходить, только подчиняясь новымъ условіямъ патріаршествованія — при отсутствіи царской поддержки противъ бояръ, и при допущеніи такого вмѣшательства свѣтской власти въ церковное управленіе, при устраненіи котораго онъ только и соглашался въ 1652 г. — быть Патріархомъ. **У Соловьева пропущена главная часть разговора Никона съ Трубецкимъ въ соборѣ 10.VII 1658 г.;** именно Соловьевъ говоритъ (XI, 252), что Трубецкой сказала Никону; „Живи, не оставляй престола. Великій Государь нашъ радъ тебѣ и жалуешь тебя" и переходитъ прямо къ просьбѣ Никона передать царю письмо. Но при этомъ пропустилъ нѣчто, что болѣе пространно рассказано проф. Николаевскимъ. Никонъ сказалъ: „Даю мѣсто гнѣву Царскаго Величества, что бояре церковнаго синклита и всякіе люди безъ правды творятъ многія обиды церковному чину, а царское величество не даетъ на нихъ сыску и управы; а о чемъ мы пожалимся, и онъ гнѣвается на насъ". Боярамъ эта рѣчь не могла нравиться; они тотчасъ вступились за свою честь и стали обвинять Патріарха передъ народомъ: „ты самъ назвался Великимъ Государемъ, вступаешься во многія государственныя дѣла; и тебѣ бы впредь великимъ не называться и въ государственныя дѣла не вступаться". Никонъ сказалъ: „Самовольно мы такъ не назывались и въ государственныя дѣла не вступались, а что кому говорили о неправдѣ и

бѣдныхъ отъ напасти избавляли, такъ мы архіереи на то и поставляемся. Послѣ этого Никонъ передалъ письмо царю, гдѣ было написано: „Се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды и того ради; и соборовъ святыхъ въ святыхъ Церквахъ лишаеши; азъ же пришлецъ есмь на земли; се нынѣ, понимая заповѣдь Божию, даю мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имаши отвѣтъ передъ Господомъ Богомъ о всемъ дати". Это письмо Никона было послано еще во время литургіи съ дьякомъ Ювомъ и было возвращено ему обратно. Царь не принялъ письма и тогда, когда его передалъ ему Трубецкой. **Соловьевъ показываетъ объ уходѣ Никона по версіи Трубецкого, Митрополита Питирима, но эта версія не сходится съ показаніемъ самого Никона, сдѣланнымъ въ письмѣ къ царю, также во всенародномъ заявленіи 10.VII 1658 г. и послѣ много разъ въ письмахъ къ царю и на судѣ.** Объясненіе этому укрывательству письма даетъ Проф. Николаевскій: „Это открытое заявленіе Никона о царскомъ на него гнѣвѣ болѣе всего не нравилось правительству. Изъ-за этого и письмо къ царю не было принято послѣднимъ; изъ-за этого и церковныя власти въ своихъ сказкахъ старались обходить это показаніе Патріарха и **оставили въ нихъ явные пробѣлы.** Для правительства и боярь **нужно было показать,** что Никонъ удалился добровольно своей волей, и безъ **всякой видимой причины, безъ всякаго повода со стороны государя.** Поэтому, князь Трубецкой въ своей сказкѣ не даетъ подробнаго сообщенія о своихъ переговорахъ съ Патріархомъ въ соборѣ, не ставитъ всѣхъ, сдѣланныхъ имъ вопросовъ Патріарху, о которыхъ церковныя власти говорятъ единогласно въ своихъ сказкахъ, переставляетъ порядокъ своихъ вопросовъ, передѣлываетъ отвѣты на нихъ Патріарха, невѣрно сообщаетъ, будто бы Патріархъ говорилъ, что Патріаршество оставляетъ собой, а не отъ чьего либо и не отъ какого гоненія, и государева де гнѣву никакого на него не было. Такое показаніе Трубецкого, данное имъ 15.II 1660 г., весьма стѣснило другихъ лицъ при допросахъ; въ сказкахъ лицъ, допрашиваемыхъ послѣ 15.II, нѣтъ уже не только подробныхъ показаній, но и простыхъ упоминаній о присылкѣ князя Трубецкого въ соборъ и переговорахъ его съ Патріархомъ. Только въ одной сказкѣ Хутынскаго архимандрита Тихона говорится о двукратной присылкѣ князя Трубецкого въ соборъ, но архимандритъ Тихонъ отказался сообщить о томъ, что говорилось княземъ Патріарху, „а что говорилъ и тѣ рѣчи онъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ въ своей сказкѣ написал". Значитъ,

содержаніе сказки Трубецкого, данной въ Москвѣ, черезъ 2 недѣли было уже хорошо извѣстно архимандриту въ Новгородѣ, и Тихонъ могъ свободно на нее ссылаться. Если такъ обстояло дѣло съ показаніями относительно объясненія съ Никономъ князя Трубецкого, который умолчалъ о томъ, что непріятно было правительству, то также дѣло обстояло и относительно самой рѣчи Никона, въ которую было внесено черезъ полтора года то, чего Никонъ не говорилъ, и что изъ присутствовавшего сонма духовныхъ лицъ утверждалъ только Митрополитъ Питиримъ и священникъ Ѳеодоръ Третьяковъ и Хутынской архимандритъ Тихонъ, тогда какъ въ сослуженіи съ Никономъ въ этотъ день былъ еще Сербскій Митрополитъ Михайль, Архіепископъ Тверской Іоасафъ, пять архимандритовъ, три игумена, три протопопа (Успенскаго, Архангельскаго и Срѣтенскаго соб.), три священника Успенскаго собора, два соборныхъ дьякона, четыре иподьякона. Самъ Никонъ писалъ объ этомъ такъ Патріарху Діонисію: „Питиримъ по указу Царскаго Величества собиралъ о насъ множицею соборы и свидѣтельствовалъ о насъ ложно, что будто мы, отходя изъ Москвы, проклинали, что намъ впредь не быть Патріархомъ, а мы, отходя, того проклинали, кто послѣ насъ инъ будетъ Патріархомъ, покамѣсть мы живы есмы". Въ пятомъ вопросѣ — отвѣтъ (С. Л.) Никонъ отрицалъ и другія слова, приписываемыя ему при отреченіи". „Будто азъ говорилъ недостойнъ я быть и впредь Патріархомъ... азъ егда отходя отъ Москвы, говорилъ не тако, яко же ты глаголиши. Я свидѣтельствовалъ передъ Богомъ царскій неправедный гнѣвъ на меня, и, дая мѣсто гнѣву, свидѣтельствовалъ, а не клятвою клялся". Въ самихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ явствуесть разноголосица.

„17 февраля, передаетъ Проф. Николаевскій акты собора, слушали сказокъ. Въ сказкѣ преосвященнаго Питирима Митрополита Сарскаго и Подольскаго написано: какъ Никонъ Патріархъ оставлялъ Патріаршество и въ тѣ поры говорилъ: анаѡема де буду аще буду Патріархъ; а Михаила Митрополита въ сказкѣ тово не написано, что Патріархъ себя анаѡема писалъ. И Михайль Митрополитъ сказалъ, того де я подлинно не слыхалъ. Тверской Архіепископъ Іоасафъ въ сказкѣ написалъ: говорилъ де Патріархъ съ клятвою не быти ему Патріархомъ; а, какъ клялся, того не написалъ. И преосвященный соборъ допрашивалъ, а Архіерей Іоасафъ сказалъ: не помнитъ; тогда же говорилъ де такъ: аще возвращуся, и я де аки песь на свою блевотину, а анаѡемы не помнитъ. Разбирая сказки другихъ лицъ, соборъ за-

являетъ, что въ нихъ анаѳемы и клятвы Патріарха Никона не написано; лица, давшія такія сказки, снова допрашиваются на соборѣ, и снова заявляютъ, что этой клятвы не слышали... Показаніе попа Ѳеодора записано въ нерѣшительномъ тонѣ: „Да и то де ему помнится, что онъ (Никонъ) промолвилъ и ту рѣчь: „аще де вмѣнюсь вамъ быти Патріархъ, да буду анаѳема". Показанія архимандрита Тихона, явно пристрастнаго, относятся уже къ марту мѣсяцу, когда было извѣстно направленіе правительственныхъ намѣреній, передаетъ такъ слова Никона: „Я впредь не пастырь и не учитель вамъ ей, ей; отселѣ да не буду Патріархъ, сказалъ съ заклинаніемъ"... Разсказъ о клятвенномъ отреченіи Никона отъ престола вошелъ въ сборникъ соборныхъ опредѣленій и послужилъ однимъ изъ главныхъ основаній для обвиненія Никона и опирается, главнымъ образомъ, на Митрополита Питирима и не подтверждается показаніями большинства другихъ лицъ". **Большинство показаній утверждало, что сказано было: отселѣ не буду вамъ Патріархомъ".** Многія показанія приводили слова въ такой редакціи: „**Не буду зваться Патріархомъ Московскимъ**". Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны для пониманія природы ухода Патріарха Никона, хотѣлъ ли онъ оставить Патріаршій Престоль и санъ Патріарха, или только престоль, и если послѣднее, то навсегда ли, или только на время.

О природѣ ухода Никона изъ Москвы въ 1658 году.

Изъ обвиненій самого Никона и его послѣдующихъ за уходомъ дѣйствій мы полагаемъ, что онъ отъ престола и не отрекался, а ушелъ изъ-за непокорнаго народа, и потому ушелъ не навсегда, а вплоть до того времени, когда представилась бы возможность управлять Церковью на каноническихъ основаніяхъ; этимъ и объясняются думы Никона въ 1662 и 1664 г. о томъ, не надо ли возвратиться, судя по доходившимъ до него слухамъ о настроеніи царя. Что это именно было такъ, что Никонъ разсматривалъ свой уходъ, какъ мѣру архипастырскаго воздѣйствія, имѣющую заставить царя и бояръ опомниться и вспомнить о клятвѣ, удостовѣряютъ какъ слова Никона, сказанныя въ разныхъ сочиненіяхъ въ разное время о томъ центральномъ значеніи, которое онъ придавалъ клятвѣ вообще и данной ему въ іюль 1652 г. въ особенности, а также и содержаніе его рѣчи въ іюль 1658 г. при уходѣ. Онъ читалъ печатное поученіе изъ бесѣды Св. Іоанна Златоуста, бесѣду 29-ю и нравоученіе этой бесѣды объ учителяхъ церковныхъ, о томъ, каковъ долженъ быть пастырь и учи-

тель. Эта бесѣда содержитъ толкованіе посланія къ Римлянамъ XV, 14—23. Такъ какъ правительство при отобраніи показаній интересовалось только отреченіемъ Никона, то свидѣтельскія показанія вообще и не касались содержания ея. Если бы правительство стремилось выяснить дѣйствительныя намѣренія Никона, то оно изслѣдовало бы не только то, изъ чего можно было бы сдѣлать заранѣе намѣченный выводъ, **но всю совокупность обстоятельствъ и истинныя намѣренія Никона.** Никонъ и писалъ поэтому, что „на соборѣ 1660 г. все дѣлалъ по царскому указу, какъ онъ хотѣлъ, допрашиваемыхъ лицъ многими пытками стращали, велѣли сказываться, какъ ему Государю годно; и всѣмъ архіереямъ своего государства царь жалованье давалъ для того, чтобы на меня подписались къ его годности; все ему Государю годное собравъ, написа сказки готовыя, посла на соборъ и оныхъ своей милостью жаловалъ, иныхъ же страхомъ, всѣхъ и своему государеву хотѣнію принуди (Вопр. 9, 17, 19). **Истинныя же намѣренія Никона надо вывести изъ дѣйствительныхъ его словъ и дѣйствительныхъ сопутствующихъ имъ его дѣйствій.** Самъ Никонъ въ 17 возраженіи пишетъ, что мысль объ уходѣ явилась ему наканунѣ 9 іюля, когда къ нему присланъ былъ Ромодановскій въ отвѣтъ на посылку Никономъ царю передъ всенощной священника съ установленнымъ по церемоніалу приглашеніемъ царя къ утреннему богослуженію. Это было уже второе приглашеніе царю, ибо первое было передъ вечерней, во время которой Никонъ совершалъ выносъ Ковчега со святой ризой и отслужилъ молебенъ безъ царя въ виду его отказа придти. На второе приглашеніе царь и отвѣтилъ посылкой Ромодановскаго, который заявилъ, что „царское величество на Никона гнѣвень, отъ того къ утрени не велѣлъ ждаты себя и къ литургіи". Затѣмъ Ромодановскій объяснилъ причины гнѣва царя, именно за то, что Никонъ называется „Великій Государь", и заявилъ отъ имени царя, что почитать его не будетъ. Никонъ увидѣлъ, что гнѣвъ царя выявляется уже въ нарушеніи исконныхъ обычаевъ, слѣдовательно, клеветы боярскія имѣють силу, и онъ тутъ же заявилъ Ромодановскому для передачи царю: „и то говорено, что отъ немилосердія его государева иду изъ Москвы вонъ, и пусть ему государю просторнѣе безъ меня, а то на меня гнѣвается, въ церковь не ходитъ" (17 Возр.). Никонъ такъ былъ смущенъ, что послалъ ожидавшимъ его въ Крестовой Палатѣ церковнымъ властямъ заявилъ, что не будетъ Патріаршаго выхода, такъ что всенощная прошла безъ него. Никонъ рѣшилъ оставить престоль и

заявить о причинахъ народу послѣ литургіи на другой день; приближеннымъ онъ сказалъ объ этомъ намѣреніи тотчасъ по уходѣ Ромодановскаго, и они его уговаривали не уходить, особенно бояринъ Зюзинъ; Никонъ поколебался сначала, но потомъ сказалъ „иду де". Утромъ онъ заявилъ поддьяку о своемъ предстоящемъ уходѣ, послалъ купить клюку, простую палку, приготовить монашеское платье и простую телѣгу ѣхать послѣ службы. Самую службу Никонъ рѣшилъ обставить весьма торжественно, велѣлъ принести посохъ Митрополита Петра, велѣлъ пѣвчимъ дьякамъ быть въ лучшихъ стихаряхъ, заявивъ имъ, что провожаютъ его послѣдній разъ. Послѣ торжественнаго входа въ Успенскій соборъ Никонъ послалъ за саккосомъ Митрополита Петра и омофоромъ для облаченія, которое задержалось изъ-за поисковъ. Церковь была переполнена. По причащеніи Никонъ сѣлъ передъ престоломъ и послалъ письмо царю. Проф. Николаевскій дѣлаетъ предположеніе, что Никонъ, повторяя въ письмѣ сказанное имъ на словахъ Ромодановскому о желаніи уйти изъ Москвы, могъ хотѣть удостовѣриться въ истинѣ словъ Ромодановскаго о гнѣвѣ царя, также непосредственно узнать, какъ будетъ царь реагировать на его уходъ, будетъ ли просить его остаться или нѣтъ, т. е., вспомнить ли о своей клятвѣ и о своихъ обязанностяхъ къ Церкви. Но царь вернулъ письмо.

Прощальная рѣчь Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюля 1658 г.

Тогда Никонъ рѣшилъ объяснить свой уходъ всенародно. Никонъ могъ думать о воздѣйствіи на царя примѣромъ своего смиренія и уходомъ предотвратить общественное смущеніе отъ уклоненія царя отъ участія въ общественномъ богослуженіи и отъ проявленія его гнѣва еще въ болѣе рѣзкихъ формахъ. Во всякомъ случаѣ прощальная его рѣчь, когда онъ весь былъ проникнутъ мыслью о предстоящемъ уходѣ, наилучше вскрываетъ состояніе его духа, его мысли, и именно изъ нея надо дѣлать выводы о томъ, что такое былъ его уходъ. Возстанавливать эту рѣчь полностью нѣтъ возможности, но главныя мысли вытекаютъ изъ того слова Златоуста, чтеніе котораго предшествовало Никоновскому объясненію. (Проф. Каптеревъ ее совершенно игнорируетъ). Въ этомъ словѣ говорилось о той любви, которую пастырь долженъ имѣть къ своему стаду. Эта любовь есть непремѣнное условіе пастырства, и образецъ ея дали Апостолы Петръ, Павелъ, Моисей, Давидъ. Потому и Петру Іисусъ Христосъ сказалъ: если любишь Меня, паси овцы Моя. И Моисея Богъ поста-

виль вождемъ народа послѣ того, какъ онъ показаль усердіе къ своимъ единоплеменникамъ, и Давидъ взошелъ на царство, прежде показавъ любовь къ своимъ соотечественникамъ. Богъ болѣе всего укоряетъ іудейскихъ учителей за недостатокъ любви, говоря: оле, пастыри Израилевы, еда пасуть пастыри самихъ себя, не овецъ ли пасуть пастыри? Но они поступили иначе: се млеко ядите, говоритъ Богъ и волною одѣваетея, и тучное заколаете, а овецъ Моихъ не пасете (Іезек. XXXIV, 3). И Христось — образъ совершеннѣйшаго пастыря, говоритъ: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы (Іоанн. 10, 11). Такъ поступаль и Давидъ особенно тогда, когда страшный гнѣвъ угрожалъ истребленіемъ цѣлому народу. Видя общую гибель, онъ восклицаль; азъ есмь согрѣшай, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша? (2 Цар. 24, 17). Потому и при выборѣ наказанія онъ избралъ не голодъ, не преслѣдованія отъ непріятелей, но смерть, посылаемую отъ Бога, въ той надеждѣ, что она пощадить другихъ, а прежде всѣхъ поразить его самого. Когда же этого не случилось, онъ плакаль, и говорилъ „да будетъ на мнѣ рука Твоя, а если это недостаточно, и на дому отца моего. Ибо азъ есмь пастырь согрѣшивый. Онъ говорилъ какъ бы такъ: если бы и они согрѣшили, я подлежалъ бы наказанію за то, что не исправляль ихъ; когда же грѣхъ былъ собственно мой, то по всей справедливости мнѣ должно подвергнуться наказанію. И, желая увеличить вину свою, Давидъ именуеть себя пастыремъ. Такъ онъ и оставилъ гнѣвъ, такъ и умолилъ Бога отмѣнить опредѣленіе. Таково исповѣданіе праведника: праведный себѣ самъ оглагольникъ въ первословіи: такова попечительность и сострадательность совершеннѣйшаго пастыря... Начальнику должно скорбѣть болѣе о чужихъ, чѣмъ о собственныхъ несчестяхъ... Сколько тяжелыхъ трудовъ приносятъ пастухи овецъ, заботясь о безсловесныхъ... А если столько заботъ бываетъ о **безсловесныхъ**, то какое извиненіе будемъ имѣть мы, когда намъ **ввѣрены разумныя души, а мы спимъ глубокимъ сномъ**. Можно ли тутъ думать объ отдыхѣ? Можно ли искать покоя? На противъ для этихъ овецъ не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысячѣ смертей. Или вы не знаете цѣны этого стада? Не для него ли твой Владыка совершилъ безчисленныя дѣянія и пролилъ Свою кровь? А ты ищешь покоя? Что же можетъ быть хуже такихъ пастырей? Развѣ ты не понимаешь, что и Христово стадо окружено волками, которые злѣй и свирѣпѣй Ливійскихъ? Неужели ты не представляешь себѣ, какую душу должно имѣть тому, кто принимаетъ на себя начальство въ

Церкви?.. Пусть слышать это не одни пастыри, но и овцы, чтобы сдѣлать пастырей болѣе усердными и побудить ихъ къ большей ревности, оказывая имъ всякое послушаніе и повиновеніе и ничего другого. Такъ заповѣдалъ Апостоль Павелъ, говоря: „повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь, ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотящи"... Вѣдь мученикъ однажды за Христа умеръ, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ долженъ быть, тысячекратно умираетъ за стадо, онъ каждый день можетъ умирать... Попеченіе о стадѣ Божіемъ является преимущественнымъ признакомъ любви къ Самому Христу, такъ какъ для этого нужна мужественная душа. Но это сказано мною о совершенныхъ пастыряхъ, не о мнѣ самомъ и подобныхъ намъ, но о пастырѣ, если есть такой, въ родѣ Павла, Петра или Моисея. И такъ будемъ имъ подражать, какъ начальствующіе, такъ и подчиненные". Вотъ въ сокращеніи слово, прочитанное Никономъ.

Толкованіе рѣчи Никона Пальмеромъ.

Въ одну изъ самыхъ отвѣтственныхъ и тревожныхъ минутъ жизни душѣ Никона предносился идеаль пастыря, берущаго на себя вину и грѣхъ своей паствы. „Даже если бы Никонъ ничего больше не прибавилъ, пишетъ Пальмеръ (V стр. I, 2), къ этимъ словамъ, которыя онъ читалъ, проливая слезы, то взятая вмѣстѣ съ обстоятельствами времени ихъ произнесенія, они говорятъ объ ихъ примѣненіи Никономъ. Никонъ наравнѣ съ Іоанномъ Златоустомъ, и даже болѣе, отвергъ бы всякую мысль о примѣненіи къ себѣ того описанія добраго истиннаго пастыря, которое онъ читалъ, и которое примѣнялось къ такимъ пастырямъ, какъ Павелъ, Петръ и Моисей. Но какъ бы мало ихъ смиреніе ни претендовало на это, ясно, что и Златоустъ и Никонъ имѣли сами немалую долю той же любви къ стаду, того же усердія, на которомъ они настаивали. Поэтому и Никонъ, если бы какая смертная чума угрожала его стаду, будетъ ли это буквальная чума, какъ въ 1654 г. и въ 1655 г., или та гораздо худшая нравственная чума несправедливости и безнравственности, народнаго суевѣрія или антихристіанскаго государственнаго верховенства въ Церкви, — онъ былъ готовъ, подобно Аврааму и Моисею, подобно Давиду и Самуилу, вступить за народъ и подвергнуться самому опасности, и принести скорѣе себя въ жертву, чѣмъ видѣть его въ грѣхѣ или страданіи. (Такъ онъ поступилъ въ Новгородѣ въ 1650 г.). И не только это, но даже когда они согрѣшили

и заслужили наказаніе, уже ниспосланное или надвигающееся, **онъ хотѣль прежде всего обвинить себя самого, принимая на себя ихъ грѣхъ, какъ свой собственный** (въ этомъ смыслѣ онъ и носилъ вокругъ своего тѣла тяжелыя вереги со времени оставленія кафедры до самой смерти. Эти вереги висятъ надъ его гробницей подъ Голговою въ Воскресенскомъ), **ибо онъ во время или достаточно не исправилъ ихъ и теперь стремился претерпѣть наказаніе вмѣсто нихъ.** Онъ оплакивалъ, изъ любви къ царю, его духовную апостасію и возстаніе, какъ Самуиль оплакивалъ Саула, или какъ Давидъ оплакивалъ смерть своего вѣроломнаго сына Авессалома, и желалъ даже умереть за него; изъ преданности къ народу желалъ самъ, подобно Іонѣ, быть выброшеннымъ съ корабля, если только сможетъ прекратиться отъ этого буря и экипажъ корабля спастись.

Поученіе Златоуста, читанное Никономъ 10 іюля 1658 года, какъ ключъ къ пониманію отдѣльныхъ выраженій его рѣчи, и его объясненіе съ боярами, присланными въ Соборъ.

Собственная рѣчь Никона не дошла до насъ, но отдѣльныя фразы, выраженія, которыя приводились въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, въ сопоставленіи другъ съ другомъ и съ поученіемъ Златоуста проливаютъ свѣтъ на отдѣльныя мысли Никона и изобличаютъ пристрастіе его враговъ въ выхватываніи изъ контекста его рѣчи отдѣльныхъ мѣстъ, которыя безъ этого контекста получить могутъ значеніе, нужное врагамъ Никона. Такъ послѣ Златоустовскаго поученія вполнѣ понятны, какъ актъ самобичеванія, слова Никона о томъ, что онъ самъ грѣшнень, неспособный пастырь, недостойный и священства, что готовъ идти въ уединеніе и каяться, такъ и его слова о томъ, что „я больше вамъ не пастырь" (это выраженіе могло быть перетолковано въ клятву или проклятіе), „Отнынѣ я уже не Московскій Патріархъ". Слова Никона Трубецкому о своемъ недостойнствѣ и покаяніи понятны не въ отрывкѣ, а именно въ свѣтѣ прочитаннаго поученія, **гдѣ добрый пастырь самъ себя винитъ въ грѣхахъ народа; объясняются и другія показанія, гдѣ Никонъ обвиняетъ себя въ томъ, что онъ не исправилъ нуждавшихся въ исправленіи, т. е. прежде всего царя и окружавшихъ его бояръ.** Когда Никона на соборѣ упрекали, что онъ сказалъ: „Я болѣе не буду Патріархомъ, а если захочу быть, то да буду анаѰема", то Никонъ возражалъ: „Я этого не говорилъ. Я говорилъ: изъ-за недостойнства своего ухожу. Что Никонъ открыто говорилъ о несправедномъ царскомъ на него гнѣвѣ, и что это было причиной его ухода — дать мѣсто гнѣву, объ этомъ

свидѣтельскія показанія не говорятъ; объ этомъ утверждалъ самъ Никонъ, но косвенно это подтверждается словами Лигарида, который, будучи орудіемъ боярь, является наилучшимъ свидѣтелемъ, когда онъ подтверждаетъ Никона. Онъ пишетъ, что „Никонъ послѣ литургіи стоялъ среди Церкви и началъ изрыгать публично безумныя слова, которыя онъ обязанъ былъ не произносить, если бы возможно было для него молчать. Онъ показалъ полное невниманіе къ стиху: „Сдержи свой гнѣвъ, чтобы не потерять свою голову". Эти слова Лигарида указываютъ на распрю Никона съ царемъ и боярами, и на слова, противъ нихъ сказанныя, т. е. на неподчиненіе ему. Когда Трубецкой приписывалъ Никону слова, что на него не было отъ царя гнѣва, то онъ просто лгалъ. Въ духѣ Никоновскихъ враговъ приписываются Никону слова: "Я пилъ молоко, волною одѣвался и тучное закалывалъ, а овецъ не пасъ"; но источникъ этихъ словъ ясенъ: они не были Никоновскимъ признаніемъ противъ себя, но были прочитаны имъ въ ихъ оригиналѣ, какъ цитата изъ пророка Іезекіиля, но были приняты за его слова о себѣ. Говорить ему это о себѣ было просто бессмыслицей; ибо его личная жизнь была жизнью аскета, и онъ любилъ эту жизнь. Любовь къ внѣшнему благолѣпію церковныхъ церемоній — ради религіи; какія бы земли или деньги ни становились его собственностью, онъ ничего не тратилъ на мірскія вещи, а все отдавалъ Богу, какъ и самъ говорилъ.

Никонъ не отрѣкался отъ патріаршества.

Никонъ самъ никогда не говорилъ объ отреченіи отъ патріаршества, а только объ уходѣ. Онъ отрицалъ даже, чтобы когда либо произносилъ слово „отреченіе или отказъ", и онъ всегда, по признанію самихъ его враговъ, всегда твердо и энергично отрицалъ, чтобы онъ заявлялъ съ „клятвой или безъ клятвы" о томъ, что никогда не вернется назадъ. Слова же: „я болѣе вамъ не пастырь", „я болѣе не Московскій Патріархъ" могли быть обращены противъ него его врагами въ смыслѣ иномъ, чѣмъ онъ самъ ихъ говорилъ и понималъ, и который они имѣютъ въ своемъ контекстѣ. Патріархъ Нектарій Іерусалимскій такъ и понималъ, что Никонъ ушелъ отъ непокорнаго народа, несмотря на полученіе информации объ уходѣ Никона только отъ Никоновскихъ же враговъ. Когда самого Никона спрашивали: „развѣ ты не отрекался?" Онъ отвѣчалъ: „Отрекался въ моемъ особомъ смыслѣ". Когда настаивали, что онъ подписывался царю: „бывшій Патріархъ", то онъ отвѣчалъ: „Пусть для царя я и то-

гда, какъ теперь, не Патріархъ". Если вопрошатели кричали: „и для насъ также ты не Патріархъ", то это восклицаніе только доказываетъ, что они примкнули къ царю и боярамъ и соединились въ кликъ въ отвѣтъ на Никоновское отрицаніе: „Онъ отказался. Ловимъ его на словѣ; слишкомъ поздно ему поворачивать обратно". Такъ Пальмеръ доказываетъ, что никакого Никоновскаго отреченія не было, а было только удаленіе отъ активнаго управленія епархіей. Это толкованіе вполне уясняетъ все послѣдующее поведеніе Никона: и его возмущеніе, что Митрополитъ Питиримъ захватилъ по царскому указу управленіе церковью, и позднѣйшія попытки Никона вернуться на кафедру при слухѣ о перемѣнѣ въ умонастроеніи царя, и его переговоры объ условіяхъ отреченія отъ кафедры въ январѣ 1665 г., и его появленіе на судѣ 1666 въ преднесеніи креста, какъ передъ Патріархомъ. Мало того, самый Соборъ 1660 г., созванный въ отсутствіе Никона для суда объ его уходѣ съ цѣлью доказать наличность безпричиннаго оставленія имъ кафедры и низложить его съ кафедры и изъ сана, является по существу не судомъ, стремящимся уяснить правду, а одной изъ многочисленныхъ попытокъ отдѣлаться отъ Никона. Въ 1658 г. вырвали отдѣльныя слова изъ рѣчи, чтобы приписать ему отреченіе, въ 1659 г. хотѣли сослать его въ Калязинскій монастырь, въ 1660 г. пытались отравить его черезъ монаха Θεодосія, въ 1661-1663 обвинить его въ убійствѣ служащаго Ивана Сытина и самочинномъ захватѣ Боборыкинской земли и предать суду, въ 1665 году хотѣли добиться отъ него письменнаго отреченія отъ престола и, при безуспѣшности этихъ попытокъ, наконецъ — составили пародію на судъ Вселенскихъ Патріарховъ, искусственно обставленную для заранѣе намѣченнаго исхода (Исторія всѣхъ этихъ попытокъ за время 1658-1666 г.г. намъ даетъ сочиненіе Гюббенета).

Дополнительная характеристика свидѣтельствъ на Соборѣ 1660 года.

Для характеристики вообще свидѣтельствъ объ уходѣ Никона, собранныхъ передъ Соборомъ 1660 года, являются интересными показанія о томъ, когда онъ ушелъ, до отпуста ли литургіи или по совершеніи отпуста, а также заявленія, подхваченныя Лигаридомъ о сниманіи Никономъ одежды. На послѣднее самъ Никонъ отвѣтилъ, что послѣ литургіи всѣ разоблачаются, а ушелъ онъ, взявъ епископскія одежды.

Что же касается того, въ какой моментъ онъ сталъ снимать епископскія одежды, то проф. Николаевскій изслѣдовалъ показанія, и вотъ его заключенія. О томъ, что Никонъ ушелъ „не отпуста обѣдни" показали первыми Митрополитъ Питиримъ и Архіепископъ Іоасафъ. Сербскій Митрополитъ Михаилъ 14 февраля показалъ, что Патріархъ чель поученіе послѣ литургіи и послѣ отпуста. На Соборѣ Митрополитъ Михаилъ, когда ему указали на несходство съ показаніемъ Митрополита Питирима, смягчилъ свое показаніе „того де онъ подлинно не упомнить", въ Соборъ же былъ внесенъ заключительный докладъ, что въ сказкѣ Митрополита Михаила написано подобно той же Митрополита Питирима сказкѣ. Три архимандрита прямо сказали, что Патріархъ чель поученіе и разоблачался послѣ литургіи, а одинъ прибавилъ, что Патріархъ послѣ письма совершилъ отпустъ и чель поученіе народу и, прочтя поученіе, началъ съ себя платье скидывать. Когда архимандритамъ на Соборѣ указали на противорѣчія съ Митрополитомъ Питиримомъ, они сослались на запятованіе. Митрополиту Питириму вторилъ только Хутынскій архимандритъ Тихонъ, показывавшій уже въ мартѣ подъ вліяніемъ правительственнаго взгляда. Въ сказкахъ 14 февраля протопоповъ не говорится объ уходѣ безъ отпуста, а только на Соборѣ. Послѣ 17 февраля, когда мнѣнія членовъ Собора стали извѣстными, большинство все же показало, что онъ ушелъ послѣ полнаго окончанія службы. **Такъ показанія Митрополита Питирима остались главнымъ основаніемъ для обвиненія Никона въ уходѣ изъ собора до окончанія службы, хотя не подтвердились цѣлой массой другихъ показаній, показанія же, данныя послѣ 17 февраля, подъ вліяніемъ правительственнаго мнѣнія, или противорѣчатъ первоначальнымъ показаніямъ тѣхъ же лицъ или сопровождаются сомнѣніемъ относительно памяти.**

Все это вмѣстѣ взятое и приводитъ къ мнѣнію о недоказанности и несправедливости мнѣнія объ уходѣ Никона безъ отпуста, особенно, если принять во вниманіе: что 1) служба 10 іюля была особенно торжественная, и послѣ литургіи Риза Господня подлежала отнесенію въ прежнее мѣсто. Если бы Никонъ не исполнилъ этого почину, то его непременно бы обвинили въ нарушеніи этого обряда, но объ этомъ никто не говорилъ. 2) Никонъ былъ слишкомъ строгъ въ исполненіи чина и не могъ не сдѣлать отпуста. Если бы онъ забылъ, ему бы напомнили тутъ же. 3) Многіе свидѣтели говорили, что они не слышали рѣчи и отреченія, ибо разоблачались въ алтарѣ, а, разъ они сами разоблачались, значитъ служба уже кончилась. Вотъ эта со-

вершенная доказанность факта, противоположнаго показаніямъ Митрополита Питирима — показанія котораго играли главную роль, является характернымъ для всего способа собиранія и оцѣнки свидѣтельскихъ показаній и опорачиваетъ и всю основательность сужденія Собора 1660 г. о фактѣ ухода Никона.

Уходъ Никона — протестъ противъ нарушенія царемъ клятвы и мѣра архипастырскаго воздѣйствія.

Обвиняють Никона въ уходѣ. Можно поставить другой вопросъ: могъ ли Никонъ не уйти? Онъ про себя говорилъ, что и онъ давалъ при поставленіи клятвенное обѣщаніе соблюдать каноны; когда же преграда, сдерживавшая боярское своеволіе въ видѣ поддержки царя, пала, и клятва царя перестала соблюдаться, что могъ сдѣлать Никонъ? Или своимъ участіемъ санкціонировать нарушеніе канонѡвъ, которымъ ознаменовался новый курсъ правительства, когда бояре сумѣли поссорить царя съ Никономъ, или протестовать на весь міръ. Если мы посмотримъ, какое значеніе придавалъ Никонъ клятвѣ и ея соблюденію, то мы увидимъ, что онъ и не могъ сдѣлать иначе, какъ протестовать и уклониться отъ участія въ правонарушеніи. Вопросъ о нарушеніи царемъ клятвы имѣетъ центральное значеніе въ уходѣ Никона; длительный гнѣвъ царя, выразившійся наконецъ въ непосѣщеніи службы, былъ лишь второй причиной, которая показывала, что Никонъ лишенъ возможности повернуть царя на прежній путь — соблюденіе канонѡвъ въ смыслѣ по крайней мѣрѣ непроведенія постановленій Уложенія, противныхъ канонѡвъ, въ жизнь. При гнѣвѣ царя, что можно было ждать дальше отъ бояръ, которые держали въ рукахъ государственное управленіе во всѣхъ областяхъ жизни, въ томъ числѣ и въ той, которая соприкасалась съ Церковью, особенно отъ Монастырскаго Приказа, во главѣ котораго былъ Одоевскій, главный авторъ Уложенія, принадлежавшій къ тѣмъ слоямъ боярства, которые навлекли на себя хищеніемъ казны и неправосудіемъ злобу народа, разграбившаго его домъ въ бунтъ 1648 г. Царь былъ примѣромъ для бояръ, и, если онъ не перемѣнится, то Никону нечего было ждать улучшеній въ отношеніи къ Церкви и ея предстоятелю Патріарху, а напоминанія о клятвѣ были безрезультатны (I, 289). „Царь самъ не уважаетъ своего обѣта, и всѣ люди, смотря на его примѣръ, дѣлають также, какъ Богъ свидѣтельствуеть (Мѡ. X, 24): ученикъ не выше учителя и слуга не выше господина своего“.

Никонъ пишетъ въ „Раззореніи" (I, 104): „Я ушелъ не безъ вѣдома царя; царь зналъ, что я уходилъ изъ за его гнѣва противъ меня, начавшагося безъ благословенной причины. Я сказалъ князю Ромадановскому и Ив. Матюшину, что я ухожу отъ гнѣва царя. Царь гнѣвался на меня и не приходилъ въ церковь. Было много сдѣлано обидъ: Царь началъ не соблюдать Божественныя заповѣди Христа и Св. Апостоловъ, которыя онъ клялся соблюдать при нашемъ поставленіи на патріаршество. Но онъ царь, въ нарушеніе канонѡвъ, отнялъ церковный судъ и приказалъ, чтобы мы сами и Епископы, и весь священный чинъ судились людьми его судовъ (Монастырскій Приказъ), какъ дѣлается это на виду у всѣхъ. И о всемъ этомъ мы свидѣтельствовали здѣсь передъ всѣми въ Церкви. Итакъ, я не уходилъ безъ оповѣщенія. Но другіе по принужденію царя назвали мое свидѣтельство „отреченіемъ". А въ другомъ мѣстѣ (I, 583): „Царь и бояре обѣщали внимательно слушать и повиноваться заповѣдямъ Христа и канонамъ Апостоловъ и Отцовъ и ничего не замышлять пустой хитростью по преданіямъ человѣческимъ и по стихіямъ этого міра. И сначала царь былъ добръ и послушенъ, и Никонъ былъ Патріархомъ. Но, когда царь измѣнился къ худшему и началъ презирать заповѣди Божіи и каноны и началъ не только не слушать Патріарха Никона, но даже говорить ему неподобающія рѣзкія слова, тогда Патріархъ Никонъ, свидѣтельствуя въ той же Церкви, послалъ съ ключаремъ письмо, собственноручно написанное, и объяснилъ почему уходитъ, т. е., чтобы дать мѣсто царскому гнѣву. А онъ государь, читалъ ли, нѣтъ ли, письмо, но прислалъ его обратно, и Патріархъ Никонъ, прождавъ нѣсколько дней въ Воскресенскомъ подворьѣ, ушелъ въ монастырь". И еще (I, 21): „Я скажу тебѣ, Симеонъ, и всѣмъ желающимъ слышать, что я не просто свидѣтельствовалъ передъ Богомъ и Его Святыми Ангелами о моемъ удаленіи, какъ свидѣтельствовалъ о моемъ вступленіи въ патріаршество, принятое не черезъ слова, а черезъ великую мольбу Царскаго Величества и всего священнаго Собора, но, какъ говорится въ псалмахъ, я говорилъ о Твоихъ свидѣтельствахъ передъ царемъ царями и не постыдился, такъ и мы говорили, не стыдясь въ Святой Церкви, свидѣтельствуя передъ Богомъ и Матерью Божіею и Святыми Ангелами и всѣми Его Святыми что, если бы Великій Государь царь не обѣщаль передъ Богомъ и Матерью Божіею соблюдать заповѣди Святого Евангелія, Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ, то я бы не помыслилъ принять такой санъ. Но Богъ вѣдаетъ,

какъ великій государь царь далъ свой обѣтъ въ Св. Церкви передъ Господомъ Богомъ и всечестнымъ и животворящимъ образомъ всесвятѣйшей Пречистой и Препоблагословенной Дѣвой Матерью Божіей и Приснодѣвой Маріей и передъ Св. Ангелами и передъ всѣми Святыми и передъ освященнымъ Соборомъ и передъ его царскимъ синклитомъ и передъ всѣмъ народомъ. И пока онъ, Великій Государь царь, сколько могъ, держался своего обѣта, повинуясь Св. Церкви, мы хранили терпѣніе. Но, когда онъ нарушилъ свой обѣтъ окончательно и сталъ на насъ несправедливо гнѣваться, какъ Господу Богу извѣстно, тогда мы, помня свое собственное обѣщаніе соблюдать заповѣди Божіи, данное при поставленіи въ Патриархи собственноручной подписью, 10.VII 1658 г. войдя въ Св. Церковь въ годовщину принесенія въ Москву святой Ризы нашего Господа Бога и Спасителя Иисуса Христа, и окончивъ Св. литургію засвидѣтельствовали передъ Богомъ... безпричинный гнѣвъ царя и ушли, помня Божественныя заповѣди (Мф. 10, 22): „Когда же будутъ васъ гнать въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой, ибо истинно говорю вамъ: не успѣете обойти городовъ Израилевыхъ, какъ придетъ Сынъ Человѣческой". И выйдя изъ города, помня заповѣди Божіи: „Когда не принимаютъ васъ и не слушаютъ васъ, уходите изъ дома того, стряхайте прахъ отъ ногъ своихъ", мы отряхали прахъ отъ ногъ своихъ и поселились въ пустынь. Онъ обвиняетъ меня, что я поступилъ вопреки волѣ Божіей не по благословной причинѣ. Гдѣ же здѣсь отреченіе?"

Если въ нашъ матеріалистическій вѣкъ многимъ непонятно, что Никонъ могъ употребить такую мѣру архипастырскаго воздѣйствія изъ-за нарушенія клятвы, то мы, чтобы лучше понять значеніе нарушенія клятвы въ глазахъ вѣрующаго христіанства, напомнимъ то значеніе клятвы, которое съ нею связывалось не только въ мірѣ христіанскомъ, но и въ мірѣ религіозномъ языческомъ. Объ этомъ упоминаетъ Philips (De droit éccles II, 270) со ссылкой на памятникъ древней Исландской литературы Edda: „Le serment faisait donc aussi chez les païens un caractère essentiellement religieux et la conviction profondément gravée dans leurs coeurs de la sainteté, de son inviolabilité est une nouvelle preuve de la conscience à demi éclairée que le paganisme avait de la sublime et redoutable grandeur de la Divinité. **Ouand la foi du serment cesse d'être gardée dans une nation, c'est un symptome infailible de son entière dissolution** morale; aussi l'Edda signale-t-elle la vio-

lation du serment comme le héraut qui annonce l'incendie du monde, la ruine du monde par le feu"¹.

Отвѣтъ Никона Лигариду на обвиненіе его въ гордости по поводу его ухода.

Никонъ самъ отвѣтилъ и на обвиненіе Лигарида въ гордости (1, 281): „Ты, отвѣтотворче, говоришь, что Богъ поставилъ однихъ Апостолами, иныхъ Пророками; Онъ не далъ всѣхъ даровъ одному, чтобы человекъ не возгордился и не исключилъ себя отъ Его благодати. Посмотри же, лицемѣръ, уставы Апостола, какъ онъ перечисляетъ отдѣльные дары и какъ онъ говоритъ: „въ какомъ чинѣ человекъ призванъ, въ томъ пусть и живетъ". Какъ же царь, оставляя свой царскій образецъ, захватываетъ священство? Ты самъ цитируешь пророка Іезекіиля 28, 17-19: „Отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, и ты во зло употребилъ умъ свой по тщеславію твоему; за то повергну тебя на землю и выставлю тебя передъ царями на позорище... Ты обратишься въ ничтожество, и не будетъ тебя во вѣки". Но какъ можешь ты **примѣнять это къ намъ, когда мы ушли отъ зла согласно Божіей заповѣди и всѣхъ Святыхъ**. Посмотри же, человекѣугоднице, чье сердце надмилось? Развѣ не у того, кто присвоилъ себѣ священство и власть чужую, подобно другому Озіи? Если ты говоришь о нашемъ уходѣ, я готовъ перестрадать ради Христа всякое зло, но по закону, какъ Апостоль пишетъ, или какъ говорить о Св. Василии Великомъ Божественный Григорій: Въ отношеніи преслѣдованія есть руководство Св. Василия, чтобы мы уходили отъ преслѣдованія, а не становились на путь страданія, но скрывались бы, когда насъ ищутъ, и осторожнымъ поведеніемъ щадили преслѣдователя, чтобы онъ не увеличилъ своего грѣха преслѣдованія. Но когда пришло время, мы должны смѣло вступать въ борьбу. И онъ говоритъ, что предоставить себя убивать есть знакъ гордости и надменности, но, когда пришло время страдать, то нежеланіе бороться за Христовъ законъ есть признакъ неразумія". И черезъ три страницы (I, 284) Никонъ продолжаетъ: „Посмотри, кто же гордь, я ли, слѣдующій Божественной заповѣди Мѡ. X, 14? Когда уходили отъ злобы Христовъ и Апостолы, это тоже была гордость? Обвиняли уже тогда и Христа и Апостоловъ и Святыхъ, а не только меня. Обвиняй

¹ Присяга и у язычниковъ имѣла характеръ существенно религіозный, и убѣжденіе, глубоко запечатлѣнное въ ихъ сердцахъ о ея святости и неприкосновенности, есть новое доказательство сознанія наполовину просвѣтительнаго, которое имѣло язычество о высшемъ и страшномъ величій Божества. Когда вѣра въ присягу перестаетъ сохраняться среди націи, это — непреложный симптомъ ея полного нравственнаго распада; также Эдда считаетъ, что нарушеніе присяги является герольдомъ, который возвѣщаетъ „пожаръ міра, его разрушеніе огнемъ".

ужь лучше того, кто преступает свои границы и возносится не против насъ только, но противъ Бога и Его законовъ". И Никонъ сравниваетъ стремленіе царя обвинить его въ уходѣ безъ причины съ Каиномъ, когда онъ изъ зависти совершилъ убійство и вопрошенный Богомъ, гдѣ его братъ Авель, отвѣтилъ: Не знаю, развѣ я сторожъ брату моему? Такъ и теперъ царь и вельможа говорятъ: „Онъ самъ оставилъ кафедру, никѣмъ не гонимъ" (I, 271).

Центральная идея Никона — борьба съ секуляризационнымъ духомъ времени во всѣхъ его проявленіяхъ

Никонъ говоритъ, что царь (I, 583) захватилъ функціи епископскаго сана и церковной власти вопреки Божественнымъ законамъ и нарушилъ собственную клятву, данную при посвященіи въ цари и при поступленіи Никона на Патріаршество, что онъ не будетъ иначе дѣйствовать, чѣмъ подобаешь православному царю. Вотъ центральная идея въ отношеніи царя. Царь долженъ, какъ царь, своей дѣятельностью не вторгаться во внутреннюю сферу Церкви, не издавать государственныхъ законовъ, противныхъ канонамъ и призванъ оцерковлять государственное законодательство, приближая его по возможности къ духу Церкви. Клятва царя касалась соблюденія канонныхъ Церкви, и нарушеніе клятвы влечетъ наказаніе. Никонъ, какъ предстоятель Церкви, считалъ себя въ правѣ совѣтовать царю заботиться объ оцерковленіи государственныхъ законовъ, но что касается охраны самихъ церковныхъ законовъ въ нѣдрахъ самой Церкви отъ государственнаго засилія, то онъ считалъ себя призваннымъ отстаивать ихъ уже не совѣтомъ, а всей силой церковнаго авторитета и напоминать о клятвѣ, данной царемъ и боярами предоставить Патріарху управленіе Церкви по канонамъ, и о послѣдствіяхъ ея неисполненія. Эту защиту Никонъ предпринималъ по своему первосвятительству, возбуждая вопросъ не о борьбѣ противъ свѣтской власти, которой онъ не касался въ ея существѣ, а о границахъ повиновенія ей, согласно словамъ апостола Петра (Д. V. 29): „Должно повиноваться Богу болѣе, нежели человѣкамъ". Борьба Никона была не съ государствомъ, какъ таковымъ, а съ направленіемъ, охватившимъ правящія сферы и клавшимъ, черезъ Уложеніе основаніе секуляризаціи государственнаго законодательства. Онъ этотъ духъ вѣка хотѣлъ остановить клятвой, а потомъ уходомъ.

Никонъ о грѣхѣ, какъ причинѣ всѣхъ несчастій, въ частности о клятвопреступленіи.

Никонъ говоритъ въ однихъ мѣстахъ о клятвопреступникахъ съ точки зрѣнія церковныхъ наказаній, а въ другихъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, что клятвопреступленіе царя, какъ грѣхъ, вообще лишаетъ самое царство благополучія, и эта идея грѣха въ Никоновскомъ міросозерцаніи играетъ центральное значеніе, и именно съ этой точки зрѣнія онъ объясняетъ и оцѣниваетъ событія государственной жизни.

Вотъ что онъ пишетъ о самомъ клятвопреступленіи (I, 581): „о клятвопреступникахъ, т. е. о тѣхъ, кто поклялся во лжи или нарушивъ клятву, 64 пр. Василия Великаго устанавливаетъ 10 лѣтъ покаянія. Если человекъ безъ всякаго принужденія нарушаетъ клятву, то онъ долженъ быть среди плачущихъ два года, три года слушать Божественное Писаніе, пять лѣтъ быть среди *substrati* (оглашенныхъ), и потомъ два года стоять съ вѣрными и общаться въ молитвѣ, а къ причастію допускается только черезъ 12 лѣтъ. Видишь ли, что нарушители клятвы недостойны даже стоять въ Церкви и молиться съ вѣрными? Это тебя не беспокоитъ? Послушай Христа: „Слушающій васъ Меня слушаетъ“. А 83 пр. Василия Великаго говоритъ: „кто отвергъ Христа, тотъ долженъ всю жизнь проводить въ покаяніи. „А Глосса на правило: „кто отвергъ Христа, долженъ плакать, какъ кающійся, всю жизнь, но въ часъ смерти можетъ быть допущенъ къ причастію“. Но какъ ты говоришь: царь выбираетъ Патріарха, Митрополитовъ, архимандритовъ? Онъ не имѣетъ власти этого дѣлать и ни въ чемъ не сдержалъ клятвы, данной имъ Богу. Вслѣдствіе этого онъ не достоинъ даже ходить въ Церковь, но долженъ проводить всю жизнь въ покаяніи и только въ часъ смерти можетъ быть допущенъ къ причастію... Златоустъ запретилъ всякому, нарушившему клятву, или только ложно покаявшемуся передъ крестомъ, переступать порогъ Церкви, хотя бы это былъ самъ царь. Но царь нарушилъ клятву трижды имъ данную" (при крещеніи, при поставленіи въ цари, передъ вступленіемъ Никона въ Патріаршество). Никонъ говоритъ далѣе о тѣхъ наказаніяхъ, которыя ниспосылаются отъ Бога за нарушеніе клятвы и цитируетъ Златоуста. „Вспомни, что получилъ Ананія за ложь. Но если такое ужасное наказаніе получилъ только солгавшій, то что должны получать клятвопреступники? Если та женщина, которая сказала да столько то навлекла такое великое наказаніе и не избѣжала его, то подумайте, какого мученія заслуживаютъ тѣ, кото-

рые цѣлуютъ крестъ ради клятвы и нарушаетъ свою клятву. Ибо, если насъ не постигаетъ наказаніе, то не будемъ успокаиваться, ибо это къ большому несчастію. Что думаете вы? Какъ много было со времени Ананіи и Сапфиры, которые осмѣлились сдѣлать то же, но не понесли такого наказанія? И какъ это, скажутъ, они не перетерпѣли его? Это не потому, что имъ прощенъ ихъ грѣхъ, но потому, что имъ предстоитъ нѣчто худшее. Поэтому тѣ, которые часто грѣшатъ и не наказываются, еще больше должны бояться; ихъ наказаніе возрастетъ черезъ его отсрочку и черезъ долготерпѣніе Божіе... Многіе клялись и нарушали клятву и, если избѣгали наказанія, не будемъ успокаиваться, ибо ихъ ждетъ скрежетъ зубовой. Возможно, что еще здѣсь на землѣ они не избѣжатъ наказанія, хотя и не тотчасъ, но наказаніе ихъ будетъ еще строже. Подумай объ исторіи Соломона, объ исторіи Героваама, Ахава и о другихъ царяхъ, нарушителяхъ клятвы. Хотя они и не тотчасъ получали наказаніе и муки по своимъ грѣхамъ, однако, въ концѣ концовъ они были наказаны еще ужаснѣе. Почему это такъ? Богъ даетъ нѣкоторое время, чтобы ты могъ очиститься, но, когда ты упорствуешь, Онъ посылаетъ тебѣ наказаніе. Вы видите, какъ наказаны лжецы. Можете отсюда заключить, какъ страдаютъ тѣ, которые клялись и нарушили клятву. Нарушающій клятву не можетъ быть спасенъ. Одинъ актъ клятвопреступленія достаточенъ низвести на насъ полную гибель". Такъ училъ Златоустъ (I, 532).

Никонъ писалъ царю въ январѣ 1663 года (IV, 415): „Вспомни о твоёмъ обѣщаніи, данномъ въ Св. Церкви при нашемъ избраніи передъ Богомъ, Св. Богородицею и всѣми Его Святыми, какъ ты поклялся намъ передъ всѣмъ освященнымъ Соборомъ и твоимъ синклитомъ, что ты не будешь вмѣшиваться въ священныя дѣла вопреки Св. Божіимъ заповѣдямъ, канонамъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, какъ ты дѣлаешь это теперь и совершаешь дѣянія великой несправедливости къ намъ и слушаешь злыхъ клеветниковъ — враговъ Божіихъ и принимаешь ихъ клятвы за правду и вовлекаешь въ грѣхъ людей всякихъ чиновъ черезъ разговоры, происходящіе въ Крестовой Палатѣ. Пощадить ли тебя Богъ? Ты обѣщаль быть для насъ, бѣдныхъ клириковъ, покровителемъ и отмстителемъ за всякую неправду такъ, чтобы даже скорѣе умереть, чѣмъ оставить заповѣдь Его безъ защиты. И ты не сдержалъ своего слова. Можетъ статья, что ты извѣдаешь Божьяго гнѣва раньше времени, ибо много уже есть, которые воюютъ противъ тебя. Умоляю тебя, перестань отъ гнѣва, вни-

май словамъ, относящимся къ тебѣ: „И будетъ судъ безпощадный для того, кто не показалъ милосердія“.

Та же мысль и въ другомъ мѣстѣ (I, 387). „Что сдѣлалъ Господь съ преступными царями (Иродомъ, Нерономъ)? Онъ только уничтожилъ этихъ нечестивыхъ людей и отдалъ виноградникъ другимъ. Такъ и потомъ многіе греческіе цари и цари другихъ царствъ, жившіе по Божественнымъ заповѣдямъ и державшіеся св. канонѣвъ, преданныхъ Святыми Апостолами и Св. Отцами, умерли и сдѣлались наслѣдниками небеснаго царства. А тѣ, которые нечестиво нарушали законъ, погибли въ своей неправедности, и царства ихъ были опустошены“. И далѣе, съ силой древняго пророка Никонъ переходитъ къ своему времени и пишетъ: „Развѣ все это не совершилось съ нами, по писанному (Второзак. 32, 34, 35, 41, 42): „Не сокрыто ли что у Меня? Не напечатано ли въ хранилищахъ Моихъ? У Меня отмщеніе и воздаяніе, когда поколеблется нога ихъ; ибо близокъ день гибели ихъ, скоро наступитъ уготованное для нихъ. Когда изострю сверкающій мечъ Мой и рука Моя пріиметъ судъ, то отомщу врагамъ Моимъ и ненавидящимъ Меня воздамъ; упою стрѣлы Мои кровью и мечъ Мой насытится кровью. Тогда вы увидите, что Я Господь, и что нѣтъ иного кромѣ Меня. „Не исполнилось все это и надъ нами? Развѣ не было чумы въ великомъ градѣ Москвѣ и въ другихъ городахъ свирѣпыхъ и неизлѣчимыхъ болѣзней (намекъ на чуму 1654 и 1655 г.г.)? Развѣ не было поражено сердце царево, когда въ Москвѣ была чума, а царица съ царевичами и царевнами не знала куда бѣжать? Не были ли князья ввергнуты въ гибель, какъ Михайль Пронскій съ товарищами, умершіе во время чумы въ Москвѣ (въ сентябрѣ 1654 г.), и не ослабѣла ли рука кн. Алексѣя Трубецкого съ его товарищами, кн. Симеона Пожарскаго и кн. Львова и другихъ? И что случилось съ другими воеводами, какъ Василій Шереметевъ и кн. Иванъ Хованскій, сколь много погибло!“ (Никонъ имѣлъ въ виду пораженіе Трубецкого подъ Конотопомъ 28.VI. 1659 г. отъ Выговскаго, Хованскаго подъ Слонимомъ 18.VI. 1660 г. отъ Чарнецкаго (Соловьевъ XI, 98); пораженіе Шереметьева на Волыни и сдачу его 23.X. 1660 г. въ плѣнъ (Сол. XI, 105). Эти пораженія 1659 и 1660 г.г. лишили всѣхъ плодовъ побѣды 1654 и 1655 г.г., когда русскія войска взяли было уже всю Бѣлоруссію на сѣверѣ и сражались уже въ Галиціи на югѣ... „развѣ это не былъ день Господень, полный ярости и гнѣва? Развѣ не опустошилъ Господь Москву и другіе города? Развѣ не послалъ Онъ гибель на грѣшниковъ? Развѣ адъ не расширилъ свою

пасть? Развѣ не поглотилъ онъ знаменитыхъ и мужественныхъ мужей, богатыхъ и бѣдныхъ такое множество людей, число коихъ Господь Одинъ вѣдаетъ? Развѣ не были всѣ они оставлены псамъ и свиньямъ, хищнымъ птицамъ и дикимъ звѣрямъ на пожраніе? Кто оплакалъ ихъ и похоронилъ? Никто. Развѣ Богъ не предалъ ихъ погибели по всѣмъ царствамъ земли, такъ что слышать отъ всѣхъ, что приходятъ къ намъ изъ тѣхъ странъ, что нѣтъ дома въ странахъ невѣрныхъ, гдѣ не было бы христіанина раба, т. е. плѣнника (Шереметевъ сдался съ 100.000 арміей въ плѣнъ татарамъ).

И все исполнилось противъ тѣхъ, которые говорили: завладѣемъ Святыищемъ Божиимъ, чтобы было оно нашимъ наслѣдіемъ, согласно писаному (Псал. 82, 12-19): „Поступи съ ними, съ князьями ихъ, какъ съ Оривомъ и Зивомъ, и со всѣми вождями ихъ, какъ съ Завеемъ и Салганомъ, которые говорили: возьмемъ себѣ во владѣніе селенія Божіи". Боже мой! Да будутъ они, какъ пыль въ вихрѣ, какъ солома передъ вѣтромъ. Какъ огонь сжигаетъ лѣсъ, и какъ пламя опалаетъ горы, такъ погони ихъ бурею Твоею и вихремъ Твоимъ приведи ихъ въ смятеніе; исполни лицо ихъ безчестіемъ, чтобы взыскали имя Твое, Господи. Да постыдятся и смутятся на вѣки, да посрамятся и погибнуть и да познаютъ кто Ты, Котораго одно имя — Господь Всевышній надъ всею землею". А пс. 69, 26-29: „Жилище ихъ да будетъ пусто, и въ шатрахъ ихъ да не будетъ живущихъ, ибо кого Ты поразилъ, они еще преслѣдуютъ и страданія уязвленныхъ Тобою разглашаютъ... Да изгладятся они изъ книги живыхъ и съ праведниками да не напишутся". Приведя и другія мѣста изъ Св. Писанія, угрожающія наказаніями за грѣхи людей, Никонъ заключаетъ: „Такъ угрожаетъ Божественное Писаніе тѣмъ, которые упорствуютъ въ дѣланіи зла" (I, 388, 389).

Неизбѣжность Никоновскаго ухода.

Никонъ не могъ по своимъ убѣжденіямъ становиться соучастникомъ въ томъ положеніи, которое онъ считалъ неканоническимъ; пока оно оставалось въ силѣ, онъ и не пытался возвращаться на управленіе патріаршимъ престоломъ; безъ содѣйствія царя онъ не имѣлъ другой реальной силы для опоры, ибо въ Архіереяхъ видѣлъ только угодничество правительству; когда упрекаютъ Никона за слова, что, если бы онъ возвратился, то возвратился бы аки песь на свою блевотину, то надо помнить, что подъ блевотиной онъ и разумѣлъ создавшееся въ дѣйствительности положеніе вещей, неприемлемое

канонически. Слова его и означали, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ быть Патріархомъ, и впредь до измѣненія ихъ онъ не вернет-ся. А на измѣненіе онъ могъ рассчитывать, только поскольку царь держалъ бы свое клятвенное обѣщаніе. Но въ подлинный смыслъ словъ Никона его враги не вникали. Они ловили его на словахъ, выхваченныхъ изъ контекста, зафиксировали ихъ и на основаніи этого постановляли свои сужденія.

Стремленіе опорочить Никона въ сочиненіи Лигарида и вліяніе его сочиненій на мнѣніе Соловьева и Каптерева о Никонѣ и въ частности объ уходѣ Никона въ 1658 г.

Въ другомъ мѣстѣ мы скажемъ подробнѣе о мотивахъ, побуждавшихъ боярство опорачивать Никона и послѣ его ссылки. А сейчасъ обратимъ вниманіе, что стремленіе опорочить Никона вызвало къ жизни и „Исторію Суда надъ нимъ“, написанную въ 1667 году Лигаридомъ, искавшимъ перваго мѣста въ Русской Церкви, и потому нуждавшагося въ дальнѣйшей поддержкѣ бояръ и царя. Его сужденія отразились и на сужденіяхъ о Никонѣ Соловьева и пошедшаго за нимъ Каптерева. Ихъ сближаетъ всѣхъ троихъ то ученіе, противъ котораго боролся Никонъ — тотъ цезарепапизмъ, который почему то считается завѣтомъ Русской Исторіи, но который по существу есть лишь языческое наслѣдіе древняго Рима, которое прорывалось къ жизни въ Византіи, и въ Россіи тогда, когда задачи оцерковленія жизни забывались, и первое мѣсто въ государствѣ — царь — само захлестывалось стихіями міра сего. Напротивъ, мы покажемъ, что симпатіи народа лежали всегда къ Никону, и именно его идеи надо признать соотвѣтствующими русской народной стихіи, той стихіи, которая творила Русь Святую. На показаніяхъ враговъ Никона построено и сужденіе объ его уходѣ изслѣдователемъ Никона проф. Каптеревымъ, хотя и признающимъ несправедливость несправеднаго суда надъ Никономъ на основаніи существующихъ документовъ, однако, расцѣпивающимъ его уходъ, не какъ архипастырское воздѣйствіе, **а какъ средство возстановить свое положеніе великаго государя, которое будто бы было мечтою Никона и проявленіемъ его непомѣрной гордости.** Вотъ сужденія объ этой гордости, которыя являются исходнымъ пунктомъ у Каптерева для сужденія о всѣхъ Никоновскихъ дѣйствіяхъ, и есть свидѣтельство только его враговъ, а не результатъ независимаго психологическаго изслѣдованія Никоновской дѣятельности. Въ виду этихъ показаній Каптеревъ и судьбу Никона объясняетъ въ значительной степени его

личнымъ характеромъ, а не совершенно тупымъ, забравшимъ силу еще въ молодости царя Алексѣя боярствомъ, погруженнымъ въ родовую спесь и мѣстническіе счеты. Въ значительной степени это самое боярство и установило ходячее мнѣніе о Никонѣ, какъ о гордомъ властолюбивомъ Іерархѣ, искавшемъ только мірскихъ почестей. Именно черезъ показаніе его представителей и получились обвиненія Никона въ противорѣчіяхъ при объясненіяхъ его ухода; этихъ противорѣчій у Никона не было, но такъ какъ время отъ времени послѣ его ухода появлялись боярскія или ихъ слугъ показанія о Никонѣ, то, они, будучи принимаемы за дѣйствительныя слова Никона, и создавали впечатлѣніе противорѣчій самого Никона.

Разъясненіе мнимыхъ противорѣчій Никона о своемъ уходѣ, находимыхъ проф. Каптеревымъ. Сужденія Каптерева базируются на показаніяхъ опороченныхъ враговъ Никона.

Такъ Каптеревъ, описывая рѣчь Никона въ Соборѣ 10.VII. 1658 г., приводитъ слова Никона о своемъ патриаршемъ недостоинствѣ и заявленія, что онъ впредь Патриархомъ не будетъ, но умалчиваетъ о томъ, что Никонъ заявлялъ о царскомъ гнѣвѣ, о которомъ „свидѣтельствовалъ передъ небомъ и землей и о неисполненіи царемъ клятвы“; приводитъ далѣе разговоръ Трубецкого (I, 397) съ Никономъ въ соборѣ и вкладываетъ ему въ уста заявленіе: „Оставилъ де Патриаршество я собою, а не отъ чьего и не отъ какого гоненія, государева де гнѣва мнѣ никакого не бывало“. Но это показано только княземъ Трубецкимъ и вѣры не заслуживаетъ, какъ доказано проф. Николаевскимъ, ибо объ этомъ царскомъ гнѣвѣ Никонъ только что написалъ царю въ письмѣ, которое писалъ передъ причастіемъ въ тотъ же день и послѣ того неоднократно писалъ и въ письмахъ, и въ показаніяхъ, и въ Раззореніи. Князь Трубецкой въ показаніи 15 февраля 1660 г. нарочно утаилъ о заявленіи Никона о царскомъ гнѣвѣ, ибо правительству надо было во что бы то ни стало доказать своеволие и безпричинность Никоновскаго ухода. Заявленіе объ анаѣемѣ Никономъ въ случаѣ возвращенія на кафедру принимается Каптеревымъ, какъ фактъ (I, 398), но это показаніе — кн. Трубецкого и Митрополита Питирима, и почти всѣми остальными показаніями не подтверждается. Каптеревъ упрекаетъ Никона, что онъ различно объясняетъ свой уходъ, что въ письмѣ къ царю въ декабрѣ 1661 г. онъ говоритъ объ обидѣ отъ царя, выразившейся въ неудовлетвореніи его за побитіе посланнаго, князя Мещерскаго, а въ іюлѣ 1662 г. Лигариду пишетъ, что причиной оставленія было то, что царь сталъ гнѣваться

на Никона, удаляться отъ него, пересталь ходить къ его церковнымъ службамъ, что царь восхитиль судъ и все церковное управленіе на себя и ему быть стало не у чего. Каптеревъ поясняетъ отъ себя, что Никонъ поняль, что причиной нельзя выставлять неудовлетворенность за обиду Мещерскаго, чтобы не показаться мелочнымъ и вздорнымъ человѣкомъ, но намъ кажется, что здѣсь никакого противорѣчія нѣтъ, ибо неудовлетвореніе за обиду со стороны царя и было проявленіемъ его безпричиннаго гнѣва, и Никонъ, объясняя царю свой уходъ, говорилъ только объ этомъ, ибо остальное царю было извѣстно и такъ, а письмо Лигариду въ іюль 1662 г. было первое обращеніе къ нему со стороны Никона, высказывавшее всю исторію отношеній съ царемъ челѣку, только что прибывшему въ Россію, и потому оно было пространнѣе. Также Каптеревъ находить, что совершенно новая причина указана въ посланіи Никона къ Константинопольскому Патріарху Діонисію въ декабрь 1665 года (Каптеревъ I, 400): „Кромѣ неправеднаго гнѣва царскаго на него (Никона) указываетъ новую причину оставленія имъ патріаршей каѳедры: что будто бы царскій синклитъ, бояре и весь народъ не берегутъ церковный чинъ и творять многія беззаконія“, и когда онъ, какъ Архипастырь, указываль царю на это прискорбное обстоятельство, царское величество управы не даетъ и даже сталь гнѣваться за это на Никона“. Здѣсь опять никакого противорѣчія нѣтъ. Поясненіе это въ дѣйствительности не другое, а только болѣе глубокое: указывается не только на гнѣвъ царя, но и на ту атмосферу окружающей царя среды, которая породила гнѣвъ на строгаго Архипастыря; болѣе глубокое разъясненіе вызывалось и тѣмъ, что оно было сдѣлано спустя еще нѣсколько лѣтъ, когда Никонъ причины гнѣва царскаго еще болѣе проанализироваль, — и тѣмъ, что онъ писалъ тому, кого считаль судьей послѣдней инстанціи надъ собой, передъ назначеннымъ уже судомъ на него. Каптеревъ указываетъ, что въ возраженіи на пятый вопросъ въ Раззореніи Никонъ еще откровеннѣе заявляетъ, что ушель изъ-за нарушенія клятвы царемъ повиноваться Святой Церкви (I, 401), но объ этомъ Никонъ заявилъ и въ рѣчи въ соборѣ 10.VII 1658 г., и въ письмѣ къ Константинопольскому Патріарху, и заявленіе о клятвѣ тѣсно связано съ другими заявленіями о выявленномъ непослушаніи и вторженіи царя въ церковную сферу, ибо послѣднія были нарушеніемъ самой этой клятвы. Каптеревъ усматриваетъ заявленіе еще новыхъ причинъ въ „Раззореніи“, когда въ отвѣтъ на 17 вопросовъ (I, 402) Никонъ говоритъ объ обидахъ Все-

ленской Церкви и неисполненіи царемъ правилъ Святыхъ Отець въ томъ, что онъ отнялъ церковный судъ и велѣлъ судить священный чинъ своимъ людямъ. Но это все та же причина — несоблюденіе клятвы, при которомъ Никонъ лишается возможности управлять Церковью по каноническимъ правиламъ.

Далѣе Каптеревъ указываетъ, что въ письмѣ къ царю 21 декабря 1671 г. Никонъ будто бы совершенно иначе представилъ дѣло ухода: „Я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня на такое великое дѣло не станеть, но твой глаголь превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года. По прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ и ты милостиваго твоего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитіемъ отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь". Здѣсь опять нѣтъ новой причины, а все та же старая, но говорится о разныхъ обстоятельствахъ ея проявленія. Никонъ, не желая управлять на тѣхъ основахъ, на которыхъ ставилась Церковь по Уложенію, не добился его отмѣны, но добился только пріостановки, а когда сталъ лишаться поддержки царя съ его возвращеніемъ въ 1656 г. въ Москву, то вынужденъ былъ ставить вопросъ ребромъ: или бояре должны уступить ему и не вторгаться въ церковное управленіе, или онъ уйдетъ; но изъ этого письма нельзя вывести, какъ дѣлаетъ Каптеревъ, „будто Никонъ, желая во что бы то ни стало оставить патріаршую кафедру и уйти въ монастырь, сталъ нарочно поступать такъ, своимъ поведеніемъ въ конецъ раздражить царя, вывести его изъ терпѣнія и тѣмъ заставить забыть Никона" (I, 404). Такое объясненіе, конечно, неприемлемо должно бы быть и для Каптерева при его стремленіи доказать, что Никонъ стремился только къ великому государствованію, питая свое честолюбіе; мы полагаемъ, что письмо это не имѣетъ того смысла, который вкладываетъ въ него Каптеревъ, а только иллюстрируетъ характеръ Никоновской борьбы, ведшей къ тому, что Никонъ все болѣе и болѣе сталъ сомнѣваться въ возможности управлять Церковью на условіяхъ, пріемлемыхъ для его понятій, и сталъ, по его выраженію, досаждать царю просьбой отпустить его, ибо оставаться Патріархомъ при наличіи вторженія бояръ въ церковное управленіе, при третированіи патріаршаго сана, онъ все равно не могъ, особенно, когда отпала послѣдняя поддержка-царь, который началъ гнѣваться: ему оставалось воздѣйствовать уходомъ. Но Каптерева не удовлетво-

ряютъ никакія Никоновскія объясненія, въ которыхъ, однако, нѣтъ никакого противорѣчія и которыя выявляютъ разное время, разныя стороны одной и той же причины, съ которой боролся Никонъ. Это — грѣхъ, какъ преступленіе противъ прямой заповѣди Божіей, когда онъ выражается въ нарушеніи клятвы, и грѣхъ, какъ преступленіе противъ Церкви, когда онъ выражается во вторженіи въ ея управленіе безъ соотвѣтствующихъ даровъ благодати. Различались эти стороны въ зависимости и отъ того, съ кѣмъ Никонъ объяснялся: Константинопольскому Патріарху надо было объяснить подробно, а царь и самъ зналъ причины ухода Никона.

Показанія личныхъ враговъ Никона: Александра, Епископа Вятскаго, Ивана Неронова и Лигарида о характерѣ Никона, воспринятыя Каптеревымъ какъ истинное объясненіе.

Каптерева удовлетворяютъ нѣкоторыя объясненія современниковъ враговъ Никона: „Современники дѣло ухода Никона объясняли гораздо проще, пишетъ онъ (I, 404). **Вятскій Епископъ Александръ**, напримѣръ, пишетъ государю: многимъ мнится, благочестивый государь, яко сего ради кручиненъ былъ Никонъ, что на пирь не званъ. Не сего ли ради и дерзостно послалъ стряпчаго своего безобразно въ царскую твою палату, черезъ волю твою государеву, гдѣ ему и быть не годится?" Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Епископъ замѣчаетъ: „**Никонъ умъ погубя, оставилъ престоль и никѣмъ гонимъ, гордости ради и гнѣва оставилъ власть, многа богатства возьмъ, отъиде**". Вотъ это обвиненіе въ гордости, за неимѣніемъ другихъ, опровергнутыхъ при жизни Никона, осталось для объясненія потомству; его приводилъ и цитируемый Соловьевымъ Нероновъ, его приводилъ и Лигаридъ — передавшій свое мнѣніе Соловьеву и Каптереву. На это обвиненіе въ гордости Лигариду отвѣчалъ въ „Раззореніи", какъ мы уже цитировали, самъ Никонъ (I, 281): „Не ты ли цитировалъ изъ Іезекіиля гл. XXVIII, 17; „отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, и ты во зло употребилъ умъ свой по тщеславію твоему; за то повергну тебя на землю и выставлю тебя передъ царями на позорище: какъ же можешь ты приложить это къ намъ, ибо мы удаляемся отъ зла, согласно заповѣди Божіей и Его свѣточа? Посмотри, челоукоугодникъ, чье сердце надмилось? Не у того ли, кто присвоилъ себѣ чужое наслѣдіе и власть, какъ другой Озія? Если ты говоришь о нашемъ уходѣ, то я готовъ страдать ради Христа, какъ и теперь страдаю, но страдать согласно закону, какъ пишетъ Апостоль или Св. Григорій Богословъ и Св. Василій Великій. Въ отношеніи

преслѣдованія есть прямое указаніе Св. Василія Великаго, чтобы мы бѣжали отъ преслѣдованія и не подвергали себя страданію, но укрывались, когда насъ ищутъ, и осторожнымъ поведеніемъ щадили гонителя, чтобы онъ, преслѣдуя до крови, не увеличиваль грѣха своего гоненія. Но, когда пришло время, и мы захвачены, то смѣло должны бороться. И онъ говоритъ, что принести себя въ жертву на убіеніе есть признакъ гордости и надменія, когда же пришло время пострадать, то уже отступать и не желать бороться за Божіи законы есть знакъ не мученичества, а небреженія".

Личныя отношенія къ Никону со стороны Епископа Александра, Ивана Неронова. Невозможность принимать ихъ свидѣтельства о Никонѣ.

Но кто были Епископъ Александръ Вятскій, протопопъ Иванъ Нероновъ и Лигаридъ? Личные враги Никона, и потому сужденіе ихъ явно пристрастно. Епископъ Вятскій Александръ былъ посвященъ въ Коломенскіе Епископы 3 іюля 1655 г. и въ декабрѣ 1657 г. былъ переведенъ Соборомъ въ Вятку, епархію открытую въ октябрѣ 1657 года вмѣсто Коломенской, которая была присоединена тѣмъ же Соборомъ къ патріаршей области (Николаевскій, „Патріаршая область и русскія епархіи въ XVIII вѣкѣ" Хр. Чт. 1888, I). Онъ былъ крайне недоволенъ этимъ переводомъ и долго туда не ѣхаль. Въ 1659 и 1660 г. онъ исполняль порученія Митрополита Питирима по слѣдствію, слѣдовавшему по доносу попа Никиты на Суздальскаго Архіепископа Стефана. Онъ содѣйствовалъ расколу и въ 1663 г. составилъ петицію противъ Никона и покаялся только въ 1666 г. Дѣло объ открытіи Вятской епархіи Соборъ 1667 г. призналь вполне законнымъ, но было постановлено возстановить и закрытую Коломенскую епархію. Отъ Епископа Александра безпристрастнаго сужденія о Никонѣ ждать нельзя.

Что касается **Ивана Неронова**, то онъ былъ въ числѣ закоренѣлыхъ враговъ Никона, былъ имъ сосланъ въ Спасокаменный монастырь 4 августа 1653 г. Нероновъ, пишетъ о немъ проф. Знаменскій (Пр. соб. 1869, I), былъ однимъ изъ первыхъ между людьми, которыя стремились подорвать значеніе Никона посредствомъ обвиненій въ превышеніи своей власти и презрѣнній власти царской. Убѣжавъ изъ ссылки въ 1656 г., и потомъ спрятавшись подъ покровительствомъ царя, Нероновъ помирился съ Церковью, узнавъ, что не одинъ Никонъ уже, а Восточные Патріархи одобрили реформу. Никонъ снялъ положенное на Неронова проклятіе, отнесся благосклонно къ его раскаянію, разрѣшилъ служить ему по старымъ слу-

жебникамъ ибо „обои хороши, все де равно по коимъ хочешь, по тѣмъ и служи". Но Нероновъ не унимался противъ Никона; въ 1658 г. онъ опять говорилъ царю, указывая на Никона въ алтарь: „смутиль онъ всю русскую землю и твою царскую власть попраля, и уже твоей власти не слыхать; отъ него всѣмъ страхъ". Царь смутился и отошелъ на свое мѣсто. Когда въ 1664 г. Зюзинъ и Ордынъ Нащокинъ возымѣли надежду примирить царя съ Никономъ, Нероновъ нарочно приходилъ къ царю поддержать его раздраженіе противъ Никона. Объ этомъ разсказалъ самъ царь Нащокину: „Вотъ и теперъ на Николинъ день пріѣзжалъ ко мнѣ чернецъ Григорій Нероновъ (онъ постригся въ монахи 25 декабря 1656 г.) съ поносными словами всякими на Патріарха, что и слушать нечего, и я тому ничему не повѣрилъ, а положилъ то все на волю Божию". Онъ всегда оставался въ симпатяхъ къ расколу, и Соборъ 1667 г. говорилъ о немъ, что онъ „пребыть въ истинѣ не постояненъ яко же трость, ибо паки и паки поколебался". Онъ былъ противникомъ исправленія обрядовъ по греческому образцу и не могъ простить переменъ въ Никонѣ, когда онъ сталъ на путь проведенія реформъ, и оставилъ прежнія совѣщанія съ членами ихъ кружка — ревнителями вѣры. Онъ ему говорилъ перваго іюля 1653 г. „прежде сего совѣтъ ты имѣлъ съ протопопомъ Стефаномъ и на домъ ты къ нему часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, архимандритахъ и Митрополитахъ. А которые богомольцы посланы бывали государемъ къ Іосифу Патріарху, что ему поставити оныхъ въ Митрополиты и въ Архіепископы и Епископы, и ты съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ былъ въ совѣтѣ и не прекословилъ нигдѣ и на поставленіе ихъ не говорилъ: анаксіосъ; тогда у тебя всѣ непорочны были, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали. И протопопъ Стефанъ за это тебѣ врагъ сталъ, а друзей его разоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь. Доселѣ ты другъ намъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ". У Неронова къ личной враждѣ на Никона присоединилась и идейная. Онъ не могъ простить исправленія русскихъ книгъ по греческимъ и въ 1657 г. говорилъ: да ты же, Святитель, иноzemцевъ законоположенія хвалишь и обычаи ихъ пріемлешь, а мы прежде сего у тебя же слыхали, много разъ ты говаривалъ намъ, гречане де и малоросы потеряли вѣру и крѣпость де и добрыхъ нравовъ нѣту у нихъ, покой де и чести ихъ прельстили, и своимъ де чревамъ работаютъ, и постоянства въ нихъ не объявилось, и благочестія ни мало, а нынѣ у тебя они и святые люди и законоучители".

Никонъ же былъ человѣкъ ума подвижнаго и вѣчно стремился учиться и исправлять свои ошибки. Онъ просилъ ихъ указывать и Макарію Патріарху при богослуженіи. Онъ самъ про себя писалъ, что готовъ вѣчно учиться. Очевидно отъ человѣка столь закоренѣлой вражды и личной, и идейной, какъ Нероновъ, всю жизнь боровшагося съ Никономъ и отъ него пострадавшаго, безпристрастнаго отзыва ждать также нельзя. Ради ненависти къ Никону Нероновъ почиталъ даже грека Лигарида. Никонъ признавалъ, что увлеченіе его греческимъ было причиной непримиримой вражды къ нему со стороны противниковъ его церковной реформы. „Отъ всѣхъ уничтожень бѣхъ, и кромѣ истины и сего ради многажды хотѣша насъ убить..., зане держимъ вся и наипаче греческіе законы и догматы" (Изъ посланія къ п. Діонисію). А Аввакумъ еще болѣе ярко выражалъ вражду къ греческому. Онъ писалъ царю: „Вздыхни ка по старому, какъ при Стефанѣ (духовникѣ) бывало и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя грѣшнаго. А киріэлеисонъ оставь; такъ эллины говорятъ, плюнь на нихъ. Ты, вѣдь, Михайлушка, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ, а не уничижай его и въ Церкви и въ дому и въ пословицахъ. Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ; предалъ намъ грамоту нашимъ языкомъ Кирилломъ Святымъ и братомъ его. Чего же еще намъ хочется лучше того? Развѣ языка ангельскаго.... да нѣтъ, нынѣ не дадутъ до общаго воскресенія". Известно, что Никонъ любилъ не только греческія одежды, но и исполненіе литургіи по-гречески. Ругательства Аввакума по адресу Никона не могутъ, конечно, служить основой для пониманія Никона.

О невозможности принимать свидѣтельства Лигарида о Никонѣ, въ виду стремленія Лигарида построить свою карьеру на обвиненіи Никона.

О безпристрастіи Лигарида къ Никону не стоитъ и говорить, ибо онъ изъ дѣла осужденія Никона дѣлалъ себѣ карьеру и со времени своего пріѣзда весной 1662 г. до весны 1667 г., когда подвелъ итогъ этой борьбы въ своей „Исторіи", нераздѣльно принадлежалъ дѣлу охуленія Никона. Объ обстоятельствахъ ухода Никона Лигаридъ на засѣданіи соборномъ 29 декабря 1662 года, на которомъ онъ занималъ первое мѣсто, и которое разбирало вопросъ о наведеніи дѣла Никона, объявилъ, что изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній сильнѣе всѣхъ показаніе князя Трубецкого, нынѣ покойнаго, что Патріарха Никона надо почестъ отрекшимся самовольно; соборныя дѣянія 1660 г. напрасно говорятъ о народномъ прошеніи къ Никону, во время его отшествія, не уходитъ.

Онъ сильно побуждалъ царя въ письмѣ 18 мая 1662 г. къ скорѣйшему разсмотрѣнію Никоновскаго дѣла, въ виду де соблазна отъ слуховъ, будто Никонъ бѣжалъ отъ грозившей опасности тайнаго убійства. Лигаридъ съ самага начала, не вникая въ дѣло, принялъ сторону бояръ, какъ болѣе выгодную, ибо и пріѣхалъ онъ въ Москву для матеріальной выгоды. Его исторія начинается съ памфлета на личность Никона. Его свидѣтельство не можетъ имѣть никакого значенія для сужденія о Никонѣ, какъ свидѣтельство главнаго представителя и наемнаго адвоката стороны, поставившей своей цѣлью уничтожить Никона.

Вотъ характеристика Никона Лигаридомъ, положенная въ основу и Соловьевскаго и Каптеревскаго сужденія: „Никонъ до Патріаршества скрывалъ свой истинный характеръ и казался добродушнымъ, аскетомъ, любителемъ ученія грековъ, и по проповѣдямъ напоминалъ Божественнаго Григорія. Но, когда онъ достигъ своей цѣли, то сбросилъ маску и показалъ свое дѣйствительное лицо человѣка каменнаго, интригана, честолюбиваго, мстительнаго, гордаго, безчеловѣчнаго насильника, незаботливаго о стадѣ, любящаго роскошь, удовольствія, домагавшагося царскихъ титуловъ (III, 38). Эта характеристика и легла въ основу для разьясненія всѣхъ Никоновскихъ поступковъ, которые получаютъ совершенно иное освѣщеніе, если къ нимъ не подходитъ съ предвзятымъ мнѣніемъ о Никонѣ, а исходитъ изъ того, что онъ былъ прежде всего аскетъ и ревнитель исполненія церковныхъ правилъ и въ частной, и въ общественной жизни.

О вопросѣ Каптерева, оставилъ ли Никонъ Патріаршество или это было притворство. О мнимыхъ противорѣчіяхъ въ заявленіяхъ Никона.

Каптеревъ задаетъ вопросъ по поводу оставленія Никономъ Патріаршества: „Дѣйствительно ли Никонъ совсѣмъ хотѣлъ оставить Патріаршество, или это было только притворствомъ съ его стороны, рассчитаннымъ только на то, чтобы побудить этимъ царя преклониться передъ Патріархомъ и признать его своимъ опекуномъ" („Патріархъ Никонъ", 408). Самый вопросъ въ такой постановкѣ предполагаетъ, что Никонъ хотѣлъ вообще навязать свое регенство царю. Но этого ни откуда не видно: ни разу Никонъ нигдѣ ни въ его словѣ, дошедшемъ до насъ, ни въ писаніяхъ, никогда не сказалъ о желаніи управлять государствомъ. Каптеревъ усматриваетъ противорѣчіе въ томъ, что 10 іюля 1658 года и вскорѣ послѣ Никонъ дѣлалъ заявленія, изъ которыхъ можно предположить, что онъ окон-

чательно оставилъ Патріаршество и о возвращеніи не думалъ. Каптеревъ опять ссылается на показанія Трубецкого, что Никонъ налагалъ на себя анаѳему, если похочетъ быть Патріархомъ... Въ письмѣ царю въ іюль 1658 г. Никонъ называетъ себя бывшимъ Патріархомъ. Онъ даетъ благословеніе Крутицкому Митрополиту Питириму быть мѣстоблюстителемъ до избранія Патріарха, а потомъ благословляетъ избрать и Патріарха. Каптеревъ и заключаетъ, что Никонъ окончательно отказался отъ Патріаршества и въ первое время вовсе не думалъ возвращаться на Патріаршество, но царь де этимъ не воспользовался, а потомъ и Никонъ съ своей стороны сталъ колебаться въ своемъ рѣшеніи окончательно оставить Патріаршество, сталъ уже увѣрять въ томъ, что онъ отъ Патріаршества не отказывался и даже сталъ заявлять претензіи вновь занять Патріаршую кафедру.

„Въ мартѣ 1659 г., пишетъ Каптеревъ (Ор. cit. I, 410) Никонъ обратился съ посланіемъ къ государю, въ которомъ протестовалъ противъ совершенія Митрополитомъ Питиримомъ шествія на осляти. Очевидно де Никонъ не хотѣлъ уже оставаться спокойнымъ зрителемъ тогдашнихъ событій, а рѣшилъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, мотивируя свое вмѣшательство ревностью и сохраненіемъ церковныхъ порядковъ". Далѣе на стр. 411 происходитъ уже чистая работа воображенія Каптерева. „Вмѣшательство Никона въ церковныя дѣла показывало, пишетъ онъ, что Никонъ уже сталъ тяготиться своимъ уединеніемъ, своей полной отрѣшенностью отъ общественныхъ дѣлъ, что его снова потянуло къ публичной общественной дѣятельности, и онъ уже не могъ болѣе оставаться спокойнымъ. Его особенно угнетало то обстоятельство, что онъ совсѣмъ удаленъ отъ царскаго двора, гдѣ такъ недавно былъ первымъ лицомъ, пользующимся особымъ исключительнымъ положеніемъ и почетомъ. Въ его воображеніи невольно воскресали былые роскошные приемы и обѣды, которыхъ онъ былъ лишень".

Каптеревъ игнорируетъ важное каноническое правонарушеніе: царь поручаетъ Митрополиту Питириму управлять Патріархіей, не обращаясь къ Никону и не помяная его, какъ Патріарха.

Всѣ эти предположенія, можетъ быть, и естественны, если исходить изъ предположенія объ эгоистической честолюбивой природѣ Никона, какъ окрашивали его враги, но эти предположенія совершенно излишни, если вникнуть въ то, что произошло послѣ 10 іюля 1658 г. до 4 марта 1659 г. въ общецерковномъ положеніи: тогда понятна будетъ и перемѣна въ объясненіи Никона. Никонъ писалъ Кон-

стантинопольскому Патріарху Діонисію о томъ, что, когда онъ ушелъ въ Воскресенскій монастырь, то черезъ два дня были присланы изъ тѣхъ же боярь, которые говорили съ нимъ 10 іюля и спрашивали: почему я ушелъ безъ приказа отъ царскаго величества изъ Москвы? Я отвѣтилъ, что ушелъ не на большое разстояніе; если царское величество измѣнится къ большей милости и отложить въ сторону свой гнѣвъ, я снова вернусь. Послѣ этого не было никакого сообщенія по этому дѣлу отъ царскаго величества, никакого упоминанія о моемъ возвращеніи на кафедру, но былъ отданъ приказъ (царемъ и синклитомъ), чтобы временно управлялъ Патріаршествомъ Митрополитъ Крутицкій Питиримъ. Послѣ ухода нашего царское величество запретилъ людямъ всѣхъ чиновъ приходить ко мнѣ и слушать меня. Онъ также запретилъ давать мнѣ изъ патріаршей резиденціи то, что мнѣ могло бы понадобиться. Если царское величество узнавалъ, что кто либо приходилъ ко мнѣ, то такое лицо строго пытали и посылали въ отдаленныя мѣста. Такъ онъ терроризовалъ всѣхъ, царское величество приказалъ, чтобы весь Патріархатъ во всѣхъ дѣлахъ управлялся бы Митрополитомъ Крутицкимъ и запретилъ насъ спрашивать или обращаться къ намъ, и приказалъ, чтобы къ нему самому обращались во всѣхъ епископскихъ и духовныхъ дѣлахъ" (III, 387-388).

Дѣло въ томъ, что Никонъ самъ благословилъ еще 12 іюля быть Митрополиту Крутицкому быть Мѣстоблюстителемъ, но, говоритъ Михайловскій, призвавъ къ себѣ на подворье Митрополита Питирима, 10-12 іюля, Никонъ сказалъ ему, что онъ уходитъ на время въ Воскресенскій монастырь и поручилъ ему до его возвращенія въ качествѣ викарнаго управлять Патріаршествомъ, а въ дѣлахъ большаго значенія обращаться къ нему (IV, 138). Нѣкоторое время Питиримъ и дѣйствовалъ въ силу Никоновскаго благословенія и позволенія. Имя Никона стало упоминаться въ богослуженіяхъ, а потомъ было опущено. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имя и авторитетъ Никона употреблялись царемъ или Монастырскимъ Приказомъ, чтобы передѣлать рѣшенія, принятыя Никономъ лично и никогда самимъ Никономъ неизмѣненныя. Никонъ былъ недоволенъ и говорилъ: „Тѣхъ людей, которыхъ мы властью, данной отъ Духа Святаго связали, царь разрѣшаетъ, почитая наше связываніе ни во что". Царь, напримѣръ, 17 августа 1658 г. послалъ грамоту въ Кирилловскій монастырь архимандриту Авраамію о прощеніи Никономъ посланныхъ туда двухъ іеродіаконовъ, и царь приказываетъ, въ силу прощенія Никона, ихъ освободить и держать на свободѣ въ монастырѣ до

дальнѣйшаго царскаго указа. А 21 февраля 1659 г. царь въ грамотѣ Полоцкому Епископу Каллисту, которымъ отъ Никона получена юрисдикція въ 1656 г. и обязанность подчиняться только ему въ духовныхъ дѣлахъ, аннулировалъ древнюю привиллегію возстановленную Никономъ въ мартѣ 1658 г. Богоявленскому монастырю въ Полоцкѣ, и приказалъ ему подчиняться не Патріарху, а мѣстному Епископу. Указъ царя Богоявленскому монастырю гласилъ: „Мы приказываемъ, чтобы юрисдикцію надъ тобой и твоимъ монастыремъ осуществлялъ Епископъ Полоцкій и Витебскій Каллистъ, и чтобы вы ему во всемъ повиновались". Для цезарепапистской точки зрѣнія Каптерева не произошло ничего особеннаго. Царь для него, какъ единственный источникъ всякой власти, распоряжается и въ Церкви. Сегодня онъ поручилъ управленіе Церкви Никону, завтра Питириму — мало разницы. Но съ церковной точки зрѣнія, на которой стоялъ Никонъ, произошла цѣлая катастрофа. Патріархъ въ его глазахъ не царскій чиновникъ, а носитель власти иного порядка и иного источника. Произошла подмѣна авторитета, восхищеніе на себя царемъ духовной власти. Никонъ Патріархъ ушелъ, благодать Духа Святаго съ нимъ, онъ временно поручаетъ на правахъ викарія управлять Митрополиту Питириму, а Митрополитъ Питиримъ, по приказу царя, къ нему не обращается, его имени не поминаетъ за Богослуженіемъ, а царь самъ распоряжается въ чисто церковныхъ дѣлахъ, т. е. самовольно фактически устраняетъ Никона отъ Патріаршества.

Причины измѣненій въ тонѣ Никона — каноническое правонарушеніе — поставленіе Митрополита Питирима въ самостоятельное управленіе Церковью, независимо отъ Никона.

Естественно, что при такомъ поправленіи патріаршихъ правъ, тонъ Никона измѣняется, измѣнилась природа его положенія, неправильно въ Москвѣ понятая. Онъ и говоритъ 17 мая 1659 г. пріѣхавшему къ нему по порученію царя дьяку Дементію Башмакову, что „онъ, Никонъ, хотя и оставилъ Патріаршество по своей волѣ и Московскимъ не зовется и николи зваться не будетъ, но Патріаршества не оставлялъ и благодать остается при немъ" (I, 410). Противорѣчія съ его словами въ іюль 1658 г. никакого нѣтъ. Тогда Никонъ, констатируя невозможность для него управлять Патріаршествомъ, уходитъ, считая, что онъ для царя бывший Патріархъ, ибо тотъ его не ставитъ ни во что; онъ не думаетъ въ данное время о возможности вернуться и готовъ допустить другого Патріарха. Весной, 1660 г., когда изъ Москвы попросятъ его приступить къ дѣлу и дать благословеніе на

поставленіе другого Патріарха, онъ соглашается, но уже входитъ въ дальнѣйшія подробности, въ виду наличія дѣла, объясняетъ, что онъ самъ долженъ принять въ этомъ участіе; и ставитъ Патріарха, — вопросъ, до котораго еще не доходило дѣло въ іюль 1658 г. Однако, еще раньше 1660 года обнаруживается, что въ Москвѣ, удовольствовавшись уходомъ Никона, рѣшили, что царь въ правѣ дѣлать, что угодно или самъ, или черезъ Митрополита Питирима. Никона своевольно перестали считать Патріархомъ, и поминать его имя, тогда, какъ съ его уходомъ въ Воскресенскій монастырь его каноническое положеніе не могло само собой измѣниться безъ всякаго суда или безъ выясненія дѣла съ нимъ. Тогда тонъ Никона и сталъ тономъ протеста, ибо нельзя же такъ просто и самовольно не считаться съ нимъ — Патріархомъ, какъ будто его нѣтъ въ живыхъ.

Произвольность предположеній Каптерева объ измѣненіи настроенія Никона относительно природы оставленія престола. Объясненіе перемѣнъ Никона — въ окружающихъ его событіяхъ.

Въ глазахъ Никона произошло каноническое безчиніе, на которое онъ и реагировалъ, и вовсе для уясненія его протеста нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію Каптерева о томъ, что Никонъ сталъ тяготиться уединеніемъ, что его угнетало воспоминаніе о прошлыхъ роскошныхъ обѣдахъ и приѣмахъ, вызывавшее въ немъ томленіе. Вся жизнь и аскетизмъ Никона, его необыкновенная энергія и постоянная занятость и въ Воскресенскомъ монастырѣ исключаютъ такое предположеніе. Вѣдь, онъ и тамъ только измѣняетъ свои занятія, но всегда поглощенъ дѣломъ: онъ строитъ храмъ, самъ таскаетъ кирпичи, даритъ въ 1661 г. въ Воскресенскій монастырь лѣтопись русскую, доведенную имъ до 1630 г., очевидно, дополнившую подъ его руководствомъ одну изъ прежнихъ лѣтописей, строжайше исполняетъ монастырскіе уставы, а на посты удаляется въ уединеніе въ каменную башню, построенную въ скиту рядомъ съ монастыремъ. Все умонастроеніе его никакъ не даетъ повода думать о похотяхъ удовольствія: слишкомъ трезвень былъ онъ всегда. Такія предположенія слишкомъ произвольны и приурочены къ слишкомъ плотскому и обыденному человѣку. Если бы Каптеревъ оставилъ свою цезарепапистскую точку зрѣнія и вникъ бы въ Никоновскую, тогда и строить предположеній этихъ не нужно было бы. **Измѣненіе въ словахъ Никона произошло вслѣдствіе того, что ему пришлось реагировать на новыя явленія.** Уйдя съ кафедры, онъ могъ ожидать, какое дѣйствіе это произведетъ. Если царь одумается, онъ

вернется, какъ сдѣлалъ подѣ вліяніемъ хотя бы и невѣрныхъ сообщеній объ измѣненіи настроенія царя въ 1662 и 1664 годахъ; если нѣтъ, войдетъ въ переговоры о способахъ замѣщенія себя преемникомъ, какъ и было въ 1665 году, но случилось выявленіе каноническаго нигилизма: Патріархъ уѣхалъ изъ Москвы, и стали дѣйствовать именемъ царя, какъ будто царскія полномочія включаютъ въ себѣ патріаршія. Если такъ могли думать въ Москвѣ, то для Никона это было совершенно отвратно. Каптеревъ пишетъ (I, 412), что „Не во имя блага Церкви и пасомыхъ Никонъ уничиженно молить царя о прощеніи, а ради того, чтобы опять наслаждаться вмѣстѣ съ другими обильной царской трапезой и близостью къ царю. Очевидно, продолжаетъ онъ, такъ писать могъ Никонъ, не какъ Архипастырь и Патріархъ русской Церкви, а какъ царедворецъ, которому близки и дороги только интересы, тѣсно связанные съ близостью къ царскому двору". Никонъ же былъ огорченъ напраснымъ гнѣвомъ царя и писалъ ему (іюль 1659): „Самого тебя молю, перестань Господа ради туне гнѣваться; солнце, речеса, во гнѣвѣ вашемъ да не зайдетъ... Азь же нынѣ паче всѣхъ чловѣкъ оболганъ тебѣ, Великому Государю, поношенъ и укоренъ неправедно: сего ради молю, претворися Господа ради и не дай мнѣ грѣшному немилосердія". Эти слова показываютъ, какъ тяжело пришлось Никону, и тѣмъ болѣе повышаютъ цѣнность его неумолимаго отстаиванія канонической правды, какъ она представлялась ему. Онъ и страдалъ больше всего за эту безкомпромиссность: такъ было и въ его удаленіи въ Воскресенскій монастырь, такъ будетъ и въ ссылкѣ его въ Терапонтовъ монастырь. Какъ христіанинъ, онъ проситъ у царя прощеніе за огорченія, но, какъ Патріархъ, неумолимо отстаиваетъ права Церкви, и будучи въ ссылкѣ въ Терапонтовомъ монастырѣ, испытаетъ не разъ отягощеніе своей участи, за отказъ простить царя настоящимъ письменнымъ прощеніемъ, пока онъ не возстановитъ всю правду въ его дѣлѣ, хотя бы и безъ возстановленія на Патріаршество, отъ котораго Никонъ тогда уже совершенно отказался.

Какъ Никонъ смотритъ на возможность своего возвращенія на Патріаршій Престоль въ Москву.

Мы думаемъ, что Никонъ ушелъ, чтобы воздѣйствовать на царя, побудить его измѣнить свое отношеніе къ Церкви и къ нему, какъ ея Первосвятителю, что безъ этого измѣненія со стороны царя онъ и не думалъ возвращаться; вопросъ возвращенія такимъ образомъ зависѣлъ не отъ Никона, а отъ царя. Когда у Никона

явилась надежда на изменіе царя, онъ и предпринялъ возвращеніе. Когда увидаль, что надежда напрасна, то въ январѣ 1665 г. приступилъ къ переговорамъ съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія, и Соборъ, понимая, что отреченія еще не было, составилъ контръ-предложеніе, а въ началѣ 1666 г. Соборъ снова обсуждалъ, какъ быть по канонамъ съ Никономъ въ виду его ухода; все дѣло остановилось при извѣстїи, что прїѣдутъ для суда Восточные Патріархи. Если мы будемъ исходить при оцѣнкѣ Никоновскихъ дѣйствій въ періодъ 1658-1666 г.г. съ его точки зрѣнія на церковную власть, на Патріаршество, на свой уходъ съ кафедры, то въ дѣйствіяхъ Никона за этотъ періодъ будемъ видѣть лишь сообразованіе ихъ съ обстоятельствами и событіями, при неизмѣнности его точки зрѣнія и его каноническихъ воззрѣній. Если же собственную Никоновскую точку зрѣнія оставимъ въ сторонѣ, а также не будемъ останавливаться на событіяхъ церковной жизни, вызывавшихъ въ Никонѣ то или иное реакціонное на нихъ, въ виду отсутствія отреченія его отъ Патріаршества, тогда мы можемъ натолкнуться на непонятности и непослѣдовательности, для объясненія которыхъ надо будетъ придумать объясненія, исходящія изъ произвольныхъ представленій о Никонѣ, со словъ поносившихъ его устно и письменнo его враговъ и при жизни его, и послѣ смерти.

Взгляды Каптерева на „отреченіе Никона“.

Каптеревъ пришелъ къ заключенію, что отреченіе Никона отъ Патріаршества въ дѣйствительности имѣло только демонстративный характеръ, а не было настоящимъ серьезнымъ отреченіемъ (I, 430). Этимъ демонстративнымъ актомъ Никонъ хотѣлъ только съ блескомъ возстановить свои прежнія пошатнувшіяся отношенія къ царю, хотѣлъ заставить послѣдняго во всемъ подчиняться ему — Никону, имѣть его главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ во всей его царской дѣятельности. Никонъ былъ убѣжденъ, что онъ такъ необходимъ царю, что тотъ никогда не рѣшится съ нимъ разстаться и отказаться отъ его услугъ". **Мы согласны, что отреченія не было не только демонстративнаго, но вовсе никакого.** О немъ заговорилъ Никонъ только въ январѣ 1665 г. послѣ его непринятія въ Москвѣ 19 декабря 1664 г. Намѣреніе Никона стать главнымъ совѣтникомъ царя въ государственныхъ дѣлахъ трудно предположить для іюля 1658 года, ибо безсовѣтіе началось уже съ 1657 г., когда царь уже ругалъ Никона неподобными словами, ссорился съ нимъ нѣсколько

разъ изъ-за намѣренія присоединить Малоросію въ церковномъ отношеніи безъ Константинопольскаго Патріарха, сталъ попускать бояръ до вмѣшательства въ церковное управленіе, наконецъ выливалъ публично свой гнѣвъ черезъ нарушеніе чина участія въ церковныхъ праздникахъ, неприглашеніемъ Патріарха на торжества, на которыя Патріархъ по положенію своему приглашался, своимъ отсутствіемъ и присылкой боярина съ выраженіемъ немилости. Царь уже давно избѣгалъ Никона, не желая его содѣйствія. Неужели можно было имѣть надежду все это исправить и возстановить положеніе царскаго совѣтника черезъ угрозу ухода, который былъ просто желателенъ и для царя, и для всѣхъ бояръ, забравшихъ въ руки царя и окружавшихъ его? Стремленіе Никона возстановить свое положеніе царскаго совѣтника въ государственныхъ дѣлахъ черезъ уходъ мы никакъ не можемъ предполагать, но стремленіе возстановить свой архипастырскій авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ, безъ котораго такой энергичный человѣкъ, какъ Никонъ, считалъ бесполезнымъ и принципиально недопустимымъ свое пребываніе въ Патріархахъ, дѣйствительно усматриваемъ. Къ этому побуждаетъ насъ и самый предметъ прощальной его рѣчи въ Успенскомъ соборѣ 10.VII. 1658 г., и выбранное слово Златоуста о томъ, каковъ долженъ быть пастырь: Къ сожалѣнію, Каптеревъ разсматривалъ уходъ Никона только по показаніямъ князя Трубецкого и Митрополита Питирима, вѣря имъ во все, вмѣсто того, чтобы постараться воспроизвести, по возможности, что читалъ и что говорилъ отъ себя Никонъ 10.VII. 1658 г., какъ это сдѣлалъ Пальмеръ и Николаевскій на основаніи многихъ другихъ показаній. Никонъ ушелъ, а бояре обрадовались и цѣлой системой интригъ довели дѣло не только до низложенія его, но до лишенія сана и ссылки.

Средства, которыми отстаивалъ Никонъ свое міросозерцаніе.

Свое церковное міросозерцаніе Никонъ отстаивалъ по пророчески обличеніями, угрозами Божьяго гнѣва и несчастіями лично для виновниковъ цезарепапистскаго засилія и несчастіями для самого государства, и запечатлѣлъ его удаленіемъ отъ активнаго управленія каѳедрой и анаѳемами.

Что касается официальныхъ анаѳемъ Никона, то онѣ касались непосредственно конкретнаго нарушенія существенныхъ правъ Церкви, принадлежащихъ Церкви въ силу ея природы, или дарованныхъ ей государствомъ съ закліятіемъ. Но Никонъ не произносилъ

анаѳемъ прежде, чѣмъ совершенно явственно не опредѣлилось опредѣленное явленіе и то послѣ многократныхъ безрезультатныхъ протестовъ. Анаѳема на Митрополита Питирима была произнесена за облюбодѣйствованіе патриаршаго престола и за вторженіе въ сферу Константинопольскаго Патріарха назначеніемъ Митрополита Меѳодія, почти черезъ 4 года послѣ ухода, послѣ многократныхъ предупрежденій царю. Анаѳема на Симеона Лукьяновича Стрешнева была произнесена за кощунственное наученіе имъ пса, названнаго имъ „Никономъ“, благословлять обѣими лапами, „по образу Христа при Вознесеніи“, какъ писалъ Никонъ въ письмѣ царю въ началѣ 1662 г. (IV. 410). Это письмо было послѣднее передъ анаѳемой, произнесенной на Стрешнева 16 февраля 1662 г. Никонъ писалъ объ отвѣтственности царя за поддержку Стрешнева: „Если ты, знай объ этомъ, терпишь такого нечестиваго насмѣшника, не наказывая его, то гнѣвъ Божій низойдетъ на тебя и скоро. А мы готовы ради Христа не только терпѣть оскорбленія и униженія, но и умереть“ (IV, 411). А Константинопольскому Патріарху Діонисию Никонъ писалъ, что „мы, услышавъ о такомъ нечестіи, анаѳематствовали Стрешнева, но царь приказалъ ему не считаться съ этимъ отлученіемъ и почиталъ его по прежнему“.

Въ отстаиваніи своего міросозерцанія Никонъ прибѣгалъ исключительно къ средствамъ, которыя находятся въ распоряженіи Церкви, и ею дозволены. Это не были средства, допускавшіяся Западной Церковью въ средніе вѣка въ видѣ освобожденія подданныхъ отъ присяги, низложенія съ престола и прочія, являющія собой властное вмѣшательство въ свѣтскую сферу.

Мы должны въ дальнѣйшемъ уяснить: 1) почему у Никона было столько враговъ, и кто они были по своему положенію и умонастроенію, 2) отчего царь пересталъ его поддерживать въ возможности канонически управлять Церковью; 3) изъ за чего у нихъ произошла такъ называемая ссора, по какимъ вопросамъ явился поводъ къ ихъ разногласію, 4) какъ конфликтъ царя съ Никономъ отразился на дальнѣйшемъ развитіи государственной (царской) власти въ Россіи и ея правовой концепціи. Такъ какъ эти вопросы непосредственно связаны и со сферой государственной, то предварительно надо уяснить то положеніе, которое занималъ Московскій Патріархъ въ государственномъ строѣ Московскаго государства по своему сану вообще, а въ частности Патр. Никонъ, какъ государственный регентъ, назначенный государемъ въ качествѣ такового, на время его

отсутствія изъ столицы, въ виду начавшейся въ началѣ 1654 года войны съ Польшей. Царь уѣхалъ на войну 18 мая 1654 г., вернулся въ Москву въ январѣ 1655 г., снова уѣхалъ 11 марта 1655 г., вернулся 10 декабря 1655 г., а 15 мая 1655 г. уѣхалъ на войну со Швеціей, вернувшись въ Москву окончательно въ самомъ концѣ 1656 года. Т. е. царь отсутствовалъ съ небольшими перерывами цѣлыхъ 2 ½ года изъ столицы, когда во главѣ государства былъ имъ поставленъ Никонъ.

Разрѣшенію этихъ вопросовъ посвящена III часть.

Конецъ II-ой части.

Глава I. Ученіе Никона о царской власти.

Борьба Никона съ политическимъ старовѣрствомъ, уклонявшимся въ сторону цезарепапизма. — Сравненіе царства съ священствомъ. — Источникъ царской власти и ея освященія. Духовная и свѣтская власть независимы другъ отъ друга. — Кому ввѣрена Церковь? — О церковныхъ законахъ. — Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О правахъ царя по отношенію къ соборамъ церковнымъ. О соборѣ 1660 г. — Объ участіи царя въ церковномъ управленіи. О повышеніи ранга Епископской кафедры. — Царь — образецъ послушанія церковнымъ законамъ для народа. Церковный законъ неприкосновененъ для государства Апостасіи. — О Церкви: ея самостоятельность. — Для управленія въ Церкви необходимы Епископскія полномочія, а не царскія. — Дѣйствіе Антихриста: властительство надъ Церковью свѣтской власти. — Царь некомпетентенъ въ дѣлѣ суда надъ Епископами-клириками. — Положительныя обязанности царя къ Церкви. Обязанности царя къ церковной собственности. — Никонъ о своей службѣ царю. — Никонъ различаетъ обязанность царя въ Церкви отъ его обязанностей къ Патріарху. — Никонъ о сферѣ свѣтскихъ дѣлъ. О тяжести царскаго служенія. — Власть царская получается независимо отъ священства, но имъ благословляется. — Гдѣ санкціи для соблюденія царемъ заповѣдей Божіихъ. — Царская власть и знаменіе пришествія Антихриста. — Лигаридъ выдвигаетъ новыя обвиненія противъ Никона. — Никонъ о лжепророкахъ-цезарепапистахъ. — О власти удерживающей. — Цезарепапизмъ — отъ духа Антихриста. — Помощь Патріарха Царю — быть царемъ православнымъ. — О природѣ послушанія царя Патріарху. Клятва 1652 г. — О превосходствѣ священства надъ царствомъ. — Критика Никономъ разныхъ теорій о соотношеніи духовной и свѣтской власти. Его теорія. — Никонъ о „Дареніи Св. Константина Великаго“. — Каждая власть происходитъ отъ Бога; ни одна не выше другой. — Въ церковныхъ дѣлахъ церковный законъ и Епископъ выше Царя. — Каждая власть имѣетъ свой порядокъ и права отъ Бога и должна ихъ защищать. — Юридическое равенство властей, духовное превосходство власти духовной. — Никонъ о мѣрахъ самозащиты Церкви. Заявленіе протеста и духовныя наказанія. — Не должно повиноваться закону, противорѣчащему канону. — Возмездіе за нарушеніе правъ Церкви отъ Бога. — Никонъ и самъ отказывается исполнять государственный законъ, противорѣчащій церковному. — Духовное оружіе царя въ борьбѣ со зломъ — христіанскія добродѣтели: смиреніе — прежде всего. — Праведность царя — основа прочности царской власти. — Смысль ухода Никона въ Воскресенскій монастырь въ 1658 г. — Патріархъ — нравственная сдержка для царя. — Лигаридъ и Никонъ о правѣ обличенія царя. — Объ обязанностяхъ царя къ Церкви и ея представителямъ. — Значеніе отказа Никона въ прошеніи Царю Алексѣю Михайловичу, какъ царю. — Никонъ обвиняетъ Царя Алексѣя Михайловича въ томъ, что онъ пересталъ поступать, какъ подобаетъ православному Царю. — О времени Божіяго наказанія за нечестіе. — Никонъ указываетъ на современныя несчастія, какъ на Божія наказанія и предостереженія. — Уходъ Никона какъ мѣра протеста. — Источникъ Никоновой теоріи соотношенія властей: Св. Отцы — Предшественники Никона (въ Россіи) въ ученіи о превосходствѣ священства. — Юридическая природа участія Никона въ государственныхъ дѣлахъ. — Чисто русское воспріятіе христіанства Никономъ. — Мнѣніе Каптерева о Никонѣ въ отношеніи ученія о царской власти. — Никонъ въ дѣлахъ смѣшаннаго характера, т. е. касающихся и Церкви и государства. — Никонъ прибѣгаетъ къ содѣйствію царя и въ чисто церковныхъ дѣлахъ. — Теорія симфоніи властей (духовной и свѣтской). Никонъ объёмъ властямъ отводитъ доминирующее значеніе каждой въ своей сферѣ. — Нарушеніе симфоній въ 1658 и 1660 г.г. — О причинахъ ухода Никона. Мнѣніе Соловьева, Пальмера, Горчакова и Бѣляева. — О поводѣ къ уходу Никона въ Воскресенскій Монастырь. — Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій Монастырь. — Царь и право Патріарха на обличеніе. — Сравненіе обличенія Св. Филиппа и Никона. — Нарушеніе симфоніи въ строѣ московскаго государства введеніемъ Уложенія и расцерковленіе государства. — Смысль борьбы Никона въ свѣтѣ послѣдующихъ мѣръ противъ Церкви. — Различныя мѣры Никона къ поддержанію церковнаго направленія въ правительствѣ и обиходѣ. — Сравненіе ученія Никона съ католическими писателями о соотношеніи властей. — Сравненіе ученія Никона съ протестантскими писателями. — Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго управленія передъ судомъ русской канонической науки. — Ученіе Никона о субъектѣ церковнаго законодательства передъ судомъ русской канонической науки. Стр. .

Глава II. Учение Никона о Патриаршестве. (Его учение по его сочинениям и по его жизни).

Источник понятий Никона о Патриаршестве и наших представлений о Никоновском понятии. — О каноническом положении Московского Патриарха среди других Патриархов. — Никон о правах Константинопольского Патриарха. — Патриархи связаны канонами в судъ своемъ. — Объ особыхъ привилегіяхъ Константинопольского Патриарха и объ Эпанагогъ — ихъ источникъ. — Неправильность Никоновскаго толкованія IV, 9 и 17. — Мечты Никона о будущемъ положеніи Московскаго Патриарха. — Арсеній Сухановъ о Патриаршестве. — Антагонизмъ русскихъ и грековъ въ дѣлѣ учрежденія Патриаршества въ Москвѣ. — Сравненіе возрѣвнн Никона и Арсенія Суханова. — Церковно - обрядовая реформа Никона. — Источникъ неправильныхъ обвиненій Никона въ стремленіи незаконно измѣнить свое мѣсто среди Патриарховъ. — Никонъ и идея Ш Рима. — Отношеніе Никона къ Римскому папизму. — Католическая идея папства и святоотеческое ученіе о самостоятельности Церкви. — Пальмеръ объ идеѣ самостоятельности Церкви и о порабощеніи Церкви въ Россіи. — Присяга Епископовъ Патриарху. — О двойной хиротоніи Московскихъ Патриарховъ. — Централизація Церковнаго управленія въ Московскомъ государствѣ. — Учрежденіе Патриаршества въ Москвѣ, какъ завершеніе централизаціи церковной власти. — Поученіе Патриарха Епископу при поставленіи. — Причины централизаціи церковнаго управленія и отсутствіе для Патриарха самостоятельной опоры. — Никонъ оспариваетъ приписываемое ему Лигаридомъ самопревозношеніе надъ Епископами. — О подчиненности Архіерея Патриарху (отзывъ Собора 1665). — Отвѣты Никона на разные упреки ему. — О пожизненности Патриаршаго сана. — Никонъ о своемъ уходѣ въ Воскресенскій монастырь. О клятвѣ Епископовъ въ повиновеніи Патриарху и о клятвopреступленіи русскихъ Епископовъ. — Анаѳема 1662 г. Митрополиту Питириму, блюстителю Патриаршаго Престола. — Анаѳема 1662 г. отрицающимъ особую природу духовной власти. — Отношеніе Никона къ Церковнымъ Соборамъ. — О судѣ надъ Патриархомъ. — Никонъ склоняется къ теоріи пентархіи. — Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь. — Никонъ возвышаетъ власть Патриарха надъ отдѣльными Архіереями, но не надъ Соборомъ. О Соборахъ — О Соборѣ 1666 года. — Правила церковныя о созывѣ Соборовъ и нарушеніе ихъ въ 1660 г. — Никонъ о Соборѣ 1660 г. и о признаніи его Патриархомъ послѣ ухода. — Никонъ объ отсутствіи своего отреченія отъ каѳедры. — Церковныя правила о созывѣ Соборовъ. — Никонъ о дѣятельности Собора 1660 г. — Никонъ о неправильномъ пониманіи Соборомъ 1660 года природы его ухода, и о неправильномъ примѣненіи канонѡвъ къ нему. — Никонъ о природѣ своего ухода. — Причины непризнанія Никонѡмъ канонической силы за Соборомъ 1660 года. — Архіерейская теорія отношеній Патриарха и Архіереевъ. — Докладная записка царю Вятскаго Епископа Александра, какъ представителя этой Архіерейской теоріи. — Никонъ не сторонникъ Патриаршаго единовластія въ Церковныхъ дѣлахъ. — Никонъ о каноническомъ и неканоническомъ объединеніи Епископовъ. — Голубинскій о Соборахъ, созданныхъ Никонѡмъ. — Никонъ о составѣ Патриаршихъ правъ въ Церкви. — Никонъ о совершеніи шествія въ недѣлю Вай Патриархомъ и другими Архіереями. — Никонъ о своемъ каноническомъ положеніи послѣ ухода въ Воскресенскій монастырь. — Никонъ не допускаетъ поставленія новаго Патриарха безъ своего участія. — Разногласія на Соборѣ 1660 г. о Никонѣ, и мнѣніе Епифанія Славинецкаго. — Мнѣніе Иерусалимскаго Патриарха Нектарія объ уходѣ Никона. — Уходъ Никона правительствомъ сознательно истолковывается иначе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. — Протестъ Епифанія Славинецкаго противъ лишенія Никона Епископскаго сана. — Постановленіе Собора 14 августа 1660 года и мнѣніе архимандрита Игнатія. — Никонъ не отрекался ни отъ священства, ни отъ каѳедры. — Смыслъ ухода Никона. — Приѣздъ Никона въ Москву въ 1662 году и показанія старца Аарона. — Приѣздъ Никона въ 1664 году. — Отстраненіе въ январѣ 1665 года отъ мѣстоблюстителства Митрополита Юны за принятіе имъ благословенія отъ Никона. — Переговоры Никона съ Соборомъ объ условіяхъ отреченія отъ каѳедры въ январѣ 1665 года — Проектъ контръпредложеній Никону на Соборѣ 1666 года въ февралѣ. Противорѣчіе ихъ съ Архіерейскими взглядами на положеніе Никона въ декабрѣ 1666 года. — Контръ-предложеніе Собора Никону весной 1666 г. есть признаніе, что Никонъ не отрекался отъ каѳедры. — Насиліе, совершенное судомъ 1666 г. надъ Патриархомъ Никонѡмъ, подрываетъ значеніе самого Патриаршества. Компетенцію по измѣненію церковнаго устройства имѣетъ только власть церковная. Сознаніе этого въ 1589 году. — Развитіе церковной Иерархіи по Никону. — Теорія Θεοφана Прокоповича о царѣ — носителѣ церковной власти. Противоположность Никону. — Пр. Апостолидъ о правахъ Государственной власти въ Церкви. Утрата каноническаго сознанія государственной властью при Петрѣ I и восстановленіе его на Соборѣ 1917 г.

Глава III. Основные принципы церковнаго законодательства въ Россіи до Уложенія 1649 г.

Судъ надъ духовенствомъ въ гражданскихъ дѣлахъ. — Судъ приказа Б. Дворца въ XVI и XVII вѣкахъ — Протесты церковныхъ властей противъ вмѣшательства воеводъ въ церковныя дѣла. — Положеніе Патриаршей области. — Система приказовъ въ Церковномъ управленіи. — Патриаршая область и церковная реформа Уложенія. — Реформа Церковнаго суда по Уложенію. — Расширеніе сферы Монастырскаго Приказа на практикѣ. — Общая характеристика Монастырскаго Приказа. Отношеніе къ нему Никона. — Никонъ о самостоятельной природѣ церковныхъ полномочій, вытекающихъ изъ природы Церкви. — Захватъ церковныхъ дѣлъ царемъ — источникъ несчастія для царя. — Понятіе о Церкви у Никона и его критика основныхъ принци-

повь — предпосылок Уложения. — Судь не царской, а Божий. — Идеаль, которымъ вдохновлялся Никонъ въ начертаніи церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства. — Мнѣніе Никона о природѣ церковнаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства. — Никонъ о судѣ Церкви въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства. — Почему Никонъ объединяетъ подсудность духовенства и по духовнымъ дѣламъ и по гражданскимъ. — Никонъ обвиняетъ царя въ пренебреженіи къ исторической традиціи относительно суда по гражданскимъ дѣламъ духовныхъ лицъ. Принятіе Соборомъ 1667 г. идей Никона о подсудности суду Церкви гражданскихъ дѣлъ духовенства и крушеніе его идей въ 1701. — Никонъ о наказаніи за восхищеніе царемъ церковной юрисдикціи. — Другія причины для протеста Никона противъ захвата церковнаго суда государствомъ. Ст. 83 и 84 Уложения. — Оцѣнка Никоновскаго сужденія о церковномъ судѣ съ современной научной точки зрѣнія. — Ученіе Суворова о церковномъ судѣ. — Критика Суворовской точки зрѣнія. — Судь Церкви въ церковныхъ дѣлахъ — Божественное установленіе. — О судѣ Церкви надъ церковными служителями. — Самостоятельность церковнаго суда по происхожденію и по компетенціи — Положеніе императорскихъ комиссаровъ на судѣ, производившемся Вселенскими Соборами. — Природа церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства; основа его въ посредническомъ судѣ Епископовъ. — Различіе въ отношеніи Епископовъ Византійской Церкви къ вторженіямъ въ собственно церковный судъ и къ сокращенію церковнаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства.

О церковной собственности.

Секуляризаціонныя стремленія Московскаго правительства въ отношеніи къ церковной собственности. — Мѣры Уложения относительно церковныхъ имуществъ. — Вообще о секуляризаціи церковныхъ имуществъ и мнѣніе Никона объ этомъ. — Неприкосновенность церковныхъ имуществъ по церковнымъ правиламъ. — Никонъ о захватѣ царемъ церковной собственности и о наказаніи за это. — Никонъ о субъектѣ церковной собственности. — Никонъ объ обязанности матеріальной помощи Церкви еще въ Ветхомъ Заветѣ. — Никонъ о наказаніи за нарушение церковной собственности. — Сонъ Никона 12 января 1661 г. и напоминаніе царю о наказаніи Божіемъ. — Никонъ о вознагражденіи Богомъ за жертвы, принесенныя Его Церкви. О необходимости исполнять обѣтъ и клятву. — Точка зрѣнія Никона, съ которой онъ критикуетъ Уложеніе.

О судопроизводствѣ и другихъ законахъ Уложения.

Законъ Уложения о судопроизводствѣ. — Никонъ о необходимости въ общественной жизни дать большее проявленіе началу церковному. — О сравненіи Царя съ Богомъ. — Никонъ о тщетѣ земнаго величія. О необходимости оцерковленія жизни. — Никонъ о несправедливости законовъ Уложения, карающихъ строже людей низшаго соціального положенія. — Никонъ о статьяхъ Уложения, парализующихъ пастырское воздѣйствіе. — Никонъ о неправильномъ принципѣ Уложения для повышений и пониженій наказаній. — О высшихъ принципахъ, обязательныхъ и для законодателя. — Никонъ въ вопросѣ примѣненія Кормчей вмѣсто Уложения, о внесеніи имъ измѣненій во второе изданіе Уложения. О преобразованіи дѣйствій Уложения. Выдѣленіе Патріаршей области изъ дѣйствій Уложения. — Идея Никона — оцерковленіе государства — противоположность идеѣ, растворяющей Церковь въ государство. — Никонъ о государственной апостасіи и о гибели царства, какъ ея слѣдствіи. — Никонъ объ Антихристѣ, захватившемъ власть въ Церкви. — Апостасія — признакъ наступленія Антихристовскаго царства; она — предметъ борьбы для Никона. — Обязанность Первосвятителя въ борьбѣ съ апостасіей (по Никону). — Никонъ о грядущей гибели Московскаго царства. Проклятіе за нарушение церковной собственности. — Анаѣмы Никона за нарушение церковной юрисдикціи. — Пальмеръ о наказаніяхъ Божіихъ за общественные грѣхи и объ исполненіи Никоновскихъ пророчествъ. — Смысль клятвы 22 іюля 1652 г. въ историческомъ освѣщеніи. — Никонъ о значеніи праведности для общественной жизни. — Никонъ о праведности царя и о власти, удерживающей пришествіе Антихриста.

Глава IV. Объ уходѣ Никона въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 года.

Уходъ Никона изъ Москвы въ 1658 г. — центральный фактъ его дѣятельности. — С. М. Соловьевъ объ уходѣ Никона. — Критика Соловьевскаго изображенія ухода Патріарха Никона изъ Москвы и его объясненія этого событія. — Фактическая сторона ухода Патріарха Никона изложена Соловьевымъ не вѣрно. О свидѣтельскихъ показаніяхъ 1660 г. — О природѣ ухода Никона изъ Москвы въ 1658 г. — Прощальная рѣчь Никона въ Успенскомъ соборѣ 10 іюля 1658 г. — Толкованіе рѣчи Никона Пальмеромъ. — Поученіе Златоуста, читанное Никономъ 10 іюля 1658 г., какъ ключъ къ пониманію отдѣльныхъ выраженій его рѣчи и его объясненій съ боярами, присланными въ соборъ. — Никонъ не отрекался отъ патріаршества. — Дополнительная характеристика свидѣтельскихъ показаній на Соборѣ 1660 г. — Уходъ Никона — протестъ противъ нарушенія царемъ клятвы и мѣра архипастырскаго воздѣйствія. — Отвѣтъ Никона Лигариду на обвиненіе его въ гордости по поводу его ухода. — Центральная идея Никона — борьба съ секуляризаціоннымъ духомъ времени во всѣхъ его проявленіяхъ. — Никонъ о грѣхѣ, какъ причинѣ всѣхъ несчастій; въ частности о клятвopреступленіи. Никонъ о наказаніяхъ уже ниспосланныхъ Богомъ. — Неизбѣжность Никоновскаго ухода. — Стремленіе опорочить Никона въ сочиненіи Лигариды и вліяніе его сочиненій на мнѣніе Соловьева и Каптерева о Никонѣ и въ частности объ уходѣ Никона въ 1658 г. — Разъясненіе мнимыхъ противорѣчій въ показаніяхъ Никона о своемъ уходѣ, находимыхъ профессоромъ Каптеревымъ. Сужденія Каптерева базируются

ся на опороченныхъ показаніяхъ враговъ Никона. — Показанія личныхъ враговъ Никона: Александра Епископа Вятскаго, Ивана Неронова и Лигарида о характерѣ Никона восприняты Каптеревымъ, какъ истинное объясненіе. — Личныя отношенія къ Никону со стороны Епископа Александра, Ивана Неронова, Невозможность принимать ихъ свидѣтельства о Никонѣ. — О невозможности принимать свидѣтельства Лигарида о Никонѣ, въ виду стремленія Лигарида построить свою карьеру на обвиненіи Никона. — О вопросѣ Каптерева, оставилъ ли Никонъ патріаршество, или это было притворство. О мнимыхъ противорѣчіяхъ въ заявленіяхъ Никона. — Каптеревъ игнорируетъ важное каноническое правонарушеніе: царь поручаетъ Митрополиту Пителиму управлять патріархіей, не обращаясь къ Никону и не поминая его, какъ Патріарха. — Причины измѣненій въ тонѣ Никона — каноническое правонарушеніе — поставленіе Митрополита Пителима на самостоятельное управленіе Церковью независимо отъ него. — Произвольность предположеній Каптерева объ измѣненіи настроенія Никона относительно природы оставленія престола. Объясненіе перемѣнъ Никона — въ окружающіхъ его событіяхъ. — Какъ Никонъ смотрѣлъ на возможность своего возвращенія на патріаршій престолъ въ Москву. — Взгляды Каптерева на „отреченіе" Никона. — Средства, которыми отстаивалъ Никонъ свое каноническое міросозерцаніе. Стр.